

to fill gap.

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный Вѣстникъ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей).

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION. 24 issues — \$3.00.

Отдѣльные номера по 15 ц. Issued semi-monthly, every 14th and 28th. Single copies at 15 cts.

Rev. L. Turkevich, Publisher.

15 E. 97th St., N. Y. City.

— Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter. —

No. 11 Vol. XVIII. New York, June 14, 1914, 1 Іюня 1914 г No. 11.

For English Text see pages 241-251

20 Мая (2 Іюня), въ 3 часа пополудни, на пароходѣ «Россія» благополучно отбыль изъ Америки въ Россію нашъ дорогой Владыка и Вождь, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ ПЛАТОНЪ, напутствуемый слезными благодареніями, сердечнѣйшими благожеланіями и усерднѣйшими молитвами множества собравшихся въ Нью-Йоркѣ со всѣхъ концовъ Миссіи духовенства и мірянъ.

Господь да благословитъ путь дорогого Отца, а намъ, осиротѣлымъ, да поможетъ, подъ водительствомъ Преосвященнѣйшаго Владыки Александра, твердо и вѣрно и успѣшно идти тѣмъ путемъ, на какой насъ поставиль, на какомъ утверждалъ и какой завѣщаль намъ отъѣхавшій Святитель.

СЛОВО

Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Ар- хіепископа ПЛАТОНА,

произнесенное за Божественною Литургією 19 Мая 1914 г.
при прощаніи съ Алеутскою и Сѣверо-Американскою
Епархією.

Возлюбленная паства моя и доро- гіе братья = отцы миссіонеры.

Богъ указаль мнѣ другое мѣсто служенія и я долженъ теперь навсегда проститься съ вами.

Семь лѣтъ моей жизни здѣсь быстро прошли, но за это время я привыкъ и молиться съ вами, и трудиться, и жить одними мыслями, одними чувствованіями, одними желаніями, одними интересами. За это время близко узналъ я васъ, сблизился съ вами, сроднился.

А между тѣмъ, когда впервые приближался я къ берегамъ Америки, глубокая печаль наполняла мою душу, сильная тоска сжимала мое сердце, ибо тамъ за мною въ безконечной дали осталась моя родина и все дорогое и родное, впереди-же меня ожидала неизвѣстность и мало обѣщающая встрѣча съ людьми, о которыхъ никто, кромѣ вашихъ бывшихъ архипастырей, не говорилъ мнѣ добраго слова. Искатели приключеній, политическіе бѣглецы, разнаго рода неудачники изъ Россіи, галичане и угорщане, возвратившіеся въ православіе, яко-бы, не по убѣжденію, а изъ расчетовъ, буковинцы, алеуты, сирійцы, сербы, болгаре, часть грековъ и албанцевъ и даже и американцевъ, — это смѣшеніе племенъ и нарѣчій моихъ будущихъ пасомыхъ, жившихъ въ неизвѣстныхъ для меня условіяхъ чужой страны, не могло не смущать меня. И если имѣть въ виду еще и тотъ превратный взглядъ на Америку и здѣшнюю свободу, который у насъ имѣется на родинѣ и который имѣлъ и я, то можно себѣ представить то мое душевное настроеніе, съ которымъ

Почръ Крѡванъ императоръ Россіи да живеть
со-вѣки наша Православная Амери-
канская Русь.
Чану. 1912. Архієпископъ Димитрій.

вступалъ я на американскую почву. Къ этому не могу не прибавить и того, что за мѣсяць до меня явился сюда уніатскій бискупъ, который торжественно поклялся «зничити здѣсь прокляте цареславіе», какъ онъ образно назвалъ наше святое Православіе.

Въ такой обстановкѣ и при такомъ по необходимости настроеніи приступилъ я къ своему дѣлу.

И вотъ до могилы своей буду я помнить о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолевать въ первое время служенія здѣсь. Но я не стану говорить о нихъ; не буду говорить и о дальнѣйшей своей дѣятельности, о томъ, что сдѣлано мною здѣсь, равно какъ и о планахъ на будущее. То, что сдѣлано, такимъ уже и останется. Мнѣ остается только благодарить Бога за то, что Онъ не оставлялъ меня здѣсь безъ Своей милости и помощи, — и въ особенности благодарить за то, что Онъ далъ мнѣ возможность обрѣсти здѣсь паству, разставаться съ которой теперь мнѣ уже безконечно тяжело и больно.

Разноязычная и разноплеменная, но одинаково по православному вѣрующая и молящаяся, она — эта паства моя — взяла у меня за семь лѣтъ всю мою душу, всего меня безъ остатка. И никогда, и ни за что не оставилъ бы я тебя, моя паства, если бы суровая Канада не снабдила меня тѣмъ недугомъ, который заставляетъ меня уходить въ родные края. Недугъ этотъ есть теперь для меня та немощь, которую и я могу хвалиться, какъ печатью, отмѣчающею меня въ вашей средѣ, мои братья — миссіонеры. Я надѣюсь, что тамъ, на родинѣ, при помощи Божіей и подъ воздѣйствіемъ роднаго воздуха, здоровье мое быстро окрѣпнетъ, — что еще быстрѣе произойдетъ если я и тамъ буду находиться въ такой-же атмосферѣ добрыхъ чувствъ и любви, въ какой находился, жизя съ вами. О, какъ бы хотѣлось мнѣ и тамъ заслужить и имѣть къ себѣ ту любовь, то доброе отовсюдное отношеніе, къ которымъ привыкъ я здѣсь и которыя даже и въ минуты физическихъ страданій дѣлали меня довольнымъ и спокойнымъ, — такъ какъ, чѣмъ болѣе я страдалъ, тѣмъ болѣе проявлялась ваша ко мнѣ любовь. Отсутствія дружеской атмосферы не замѣняютъ никакія физическія условія.

Но я и тамъ по мѣрѣ силъ своихъ постараюсь быть полезнымъ своей новой, Богомъ данной мнѣ, паствѣ и надѣюсь заслужить ея добрыя къ себѣ чувства, которыя будутъ и цѣною за мою дѣятельность и оцѣнкою моей дѣятельности и показателемъ цѣнности ея.

А теперь навсегда прощаюсь я съ тобою, моя американская паства, и уйду отъ тебя съ чувствомъ глубокой благодарности за все то, что ты мнѣ давала и что я отъ тебя получилъ. Уйду отъ тебя, унося въ сердцѣ своемъ и имѣющую быть всегдашнею и времени неподдающеюся любовь къ тебѣ.

Всегда будетъ живъ во мнѣ и всегда будетъ дорогъ мнѣ православный образъ тихаго и скромнаго обитателя сырой Аляски. Подавляюще величественная, вѣчно молчаливая Аляска наложила печать свою и на своихъ жителей и они, всегда созерцающіе единственные по своей величинѣ горы въ мѣрѣ, единственную по красотѣ картину природы, и всегда задумчиво всматривающіеся въ окружающую ихъ воду и вслушивающіеся въ тихій шумъ вѣчнаго прибоя волнъ, имѣютъ душу чистую, какъ горній воздухъ ихъ страны, какъ капли родной имъ водной стихіи. Сюда прибылъ, чтобы проститься со мною ихъ добрый пастырь, почти всю уже жизнь свою прожившій среди нихъ, и я радъ, что имѣю возможность передать черезъ него мой имъ прощальный поклонъ и благословеніе.

Всегда будетъ живъ во мнѣ и всегда будетъ дорогъ мнѣ образъ православнаго жителя и холодной Канады. Огонь любви къ родному Православію, который горитъ въ сердцѣ его, не боится тамошней протестантской стужи. Ясно видно это изъ того, что, по пріѣздѣ сюда, я нашель въ Канадѣ трехъ пастырей, а оставляю до трехъ десятковъ. Кипитъ тамъ наша работа, быстро и неудержимо растетъ тамъ наше дѣло и благоволеніе Божіе видимо почиваетъ на немъ.

Да почиетъ оно на немъ и выну.

Изъ Канады прибылъ съ своимъ помощникомъ проститься со мною старшій въ тамошнихъ іереяхъ и я черезъ него передаю всѣмъ православнымъ Канадійцамъ свой поклонъ и благословеніе.

Всегда будетъ живъ въ сердцѣ моемъ и всегда будетъ дорогъ мнѣ образъ возвратившагося въ Православіе галичанина и угорщанина.

Больше уже не буду я переживать той ни съ чѣмъ несравнимой свѣтлой радости, которую переживалъ въ то время, когда цѣлые приходы нашихъ русскихъ униатствующихъ братьевъ возвращались въ вѣру своихъ предковъ. Я уже не буду наслаждаться молитвеннымъ общеніемъ съ ними, не буду принимать отъ нихъ простыхъ и безхитростныхъ знаковъ вниманія ко мнѣ и любви, но пока живъ буду, не забуду ихней религіозности, ихней церковности, ихней русскости и любви ко святому Православію нашему и всему русскому. Церковныя и приходскія дѣла — начало и конецъ всѣхъ ихъ здѣшнихъ интересовъ. И видя ихъ любовь къ церкви, эту ихнюю церковность, я не утомлялся часами обсуждать съ ними и разрѣшать всѣ «приходскія sprawy». А эта ихняя любовь къ «службѣ Божіей», это ихнее пѣніе въ храмѣ, это ихъ благоговѣйное отношеніе къ послѣднему, — гдѣ я еще увижу что-либо подобное?!... Здѣсь изъ личнаго опыта общенія съ ними я узналъ и убѣдился въ томъ, что въ груди ихъ бьется теплое русское сердце, что грудь эта не погнулась отъ наносимыхъ ей тяжкихъ ударовъ и что уму ихъ присуще ясное сознание общности и матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ со всѣмъ русскимъ народомъ.

За такихъ людей, за такой народъ не трудно душу свою положить, тѣмъ болѣе, что народъ этотъ — чисто русской и искони русской.

Всегда, конечно, живъ будетъ во мнѣ и всегда будетъ дорогъ мнѣ и твой образъ, пришлецъ изъ родной Россіи, нашъ православный русской рабочій. Только здѣсь я по настоящему узналъ тебя, родной братъ мой, только здѣсь предомною раскрылась богатая и удивительно способная натура твоя, только здѣсь я понялъ, что своимъ несомнѣнно великимъ будущимъ Россія имѣетъ быть обязана не столько богатству своей природы, сколько богатству твоей души. Меня всегда трогали и дѣлали счастливымъ проявляемая вами здѣсь, русскіе рабочіе, ваша русскость и ваша церковность. Изъ конца въ конецъ по всей Америкѣ громко поется

теперь нашъ русскій національный гимнъ и развѣвается нашъ русскій флагъ. Уважають свой флагъ американцы, уважаемъ и мы свой. По мнѣнію нашихъ «сознательныхъ» и «передовыхъ» это тряпка, а по нашему — это драгоценная эмблема нашей народной чести, народнаго достоинства, народнаго единства, народнаго самосознанія. Намъ дорогъ нашъ флагъ, какъ дорого все, чѣмъ доселѣ жила и живетъ наша Россія. Опустѣетъ нашъ храмъ—и флагъ обратится въ тряпку, но только тогда, когда засохнетъ русская душа, когда высохнутъ въ ней питающіе ее здоровые соки. Мы убѣждены, что этого не будетъ, ибо всегда будетъ жива добрая русская душа, всегда будетъ живъ русскій народъ, вѣрующій въ Бога, любящій свою Церковь, своего Царя, свою страну. Вы, добрые русскіе православные люди, и никто другой, представляете собою здѣсь русскій народъ, по васъ и жизни вашей судятъ здѣсь о немъ, о нашей странѣ и нашей будущности. Простые вы люди, но вы честно и достойно выполняете этотъ свой долгъ передъ родиной. То фактъ, что насъ здѣсь стали уже уважать и къ намъ стали иначе относиться, считая насъ не рабочею только силою, а людьми, въ честности которыхъ нельзя сомнѣваться и способностямъ которыхъ нельзя не удивляться.

Я былъ всегда готовъ быть тебѣ полезнымъ, нашъ русскій рабочій, и былъ счастливъ, если видѣлъ, что приношу дѣйствительную тебѣ пользу. Такими-же чувствами воодушевлены къ тебѣ и всѣ наши отцы-миссіонеры.

Отцы святые, мои возлюбленные братья-миссіонеры!

Такова наша, а отнынѣ уже только ваша паства. Прощаясь съ нею, прощаюсь я, мои дорогіе сотрудники, теперь же и съ вами, ибо вы съ нею неразрывно связаны, живете одною жизнью, одними чаяніями, одними радостями и печалями. И что-же могу я сказать вамъ въ этотъ послѣдній разъ? Что скажу, кромѣ глубокой благодарности и не отъ себя только лично, а отъ всей Американской Руси. Ибо и я и паства наша ясно сознаемъ, что если мы имѣемъ что здѣсь, если можемъ чѣмъ похвалиться, то въ большей части, если не всѣмъ этимъ, мы обязаны вамъ, вашимъ трудамъ и усердію, вашему святому рвенію и воодушевленію. Вы зна-

ете мой взглядъ на миссіонерство, ибо не разъ высказывалъ я его и старался на дѣлѣ показать, и теперь я счастливъ сказать, что вы достойны этого великаго званія и великаго призванія, что вы достойно совершаете свое святое дѣло.

Въ этотъ часъ этого моего общенія съ вами, часъ разлуки и прощанья, я долженъ сказать и скажу, что въ вашей дѣятельности я не находилъ лѣни, небрежности, не видѣлъ трусости, не замѣчалъ и ненужнаго сенсационнаго шума, — но въ ней всегда видно мнѣ было свободное, смѣлое и непостыдное жертвованіе собою, своею честною и серьезною личностью. Я видѣлъ, что народъ слушалъ васъ, когда вы говорили ему о вѣчныхъ интересахъ, и слушался, когда вы водили его въ области здѣшнихъ. Вы своею личною жизнью, миссіонерскою дѣятельностію и пастырскою практикою наглядно показывали мнѣ, насколько жизнь мірянъ зависитъ отъ жизни пастырей. Горитъ духомъ, воодушевленъ пастырь, ключемъ бьетъ и приходская жизнь. При мнѣ жизнь православной Американской Руси была ключемъ, находя себѣ источникъ и питаясь въ родникахъ вашей миссіонерской ревности, вашей преданности нашему народу, любви къ нему и готовности служить ему до положенія души за него.

Я видѣлъ то и, входя съ вами въ личное общеніе, чувствовалъ себя всегда въ области духовной, мирной и радостной. Вы своею самоотверженною работою доставляли мнѣ всегда одно только духовное утѣшеніе, ибо я не могъ не видѣть, что вы всѣ своего не искали, а только то, что относится къ пользѣ пасомыхъ.

Благодарю же васъ, благодарю и прошу и впредь быть такими, какими вы были при мнѣ, какими я васъ зналъ.

Благодарю васъ и вмѣстѣ прошу васъ всѣхъ и каждого въ отдѣльности и въ этотъ часъ прощанья моего съ вами сотворить мнѣ ту любовь, которую я такъ привыкъ пользоваться отъ васъ, и простить мнѣ тѣ обиды и огорченія, которыя я могъ причинить вамъ. Знайте и будьте увѣрены въ томъ, что душою своею я буду съ вами и нашимъ здѣсь дѣдомъ, что живя тамъ, я всегда буду переживать съ вами то, что Богъ судить вамъ переживать. Дай только Богъ, чтобы это было одна радость, счастье, удача.

Мой земной поклонъ вамъ и паствѣ вашей.

Прощайте и простите!

Прощай и прости мнѣ ты, мой любимый, мой незабвенный другъ, человѣкъ съ ангельской душой, владыка Александръ, — простите мнѣ и вы, дорогіе мнѣ отцы и братья мои, — прости мнѣ и ты, моя возлюбленная Американская паства, — простите всѣ и не забывайте въ своихъ молитвахъ и доброй памяти меня, всею душою преданнаго вамъ и безконечно благодарнаго.

Благословеніе Божіе будетъ съ вами и со всею нашею Православною Американскою Русью во-вѣки. Аминь.

НА ОТЪѢЗДЪ ВЛАДЫКИ АРХІЕПИСКОПА ИЗЪ АМЕРИКИ.

*Все, все Ты наше взялъ, къ Отчизнѣ уходя:
Всѣ помыслы души и сердца всѣ движенья,
И думы о Тебѣ, лишь тугу въ насъ будя,
Исполнены молитвъ, любви, благословенья.*

*Но знаемъ мы одно: Ты намъ себя отдалъ
И то, что есть у насъ, — все создано Тобою,
И отъ Вождя до тѣхъ, кто въ жизни слабъ и малъ,
Содержишь всѣхъ въ любви молитвою святою.*

*И говоря: «прости»! — не смѣемъ и на мигъ
Сказать мы о Тебѣ, что Ты отъ насъ далеко:
Любовь, что вяжетъ насъ, — теперь то всякъ постигъ! —
Сильный пространствъ земныхъ, зорчій чѣмъ это око...*

*Такъ, нѣкогда, Христа Апостолы лишаеь,
Отшедшаго къ Отцу въ заоблачныя сны,
Склонились передъ Нимъ, разлуки не страшась,
И получили даръ божественныхъ видѣній.*

Прот. Л. Туркевичъ.

ОБЪ АРХИПАСТЫРСКОМЪ ПРОПОВѢДНИЧЕСТВѢ.

Въ жизни человѣческой встрѣчаются событія, которыя заставляють насъ не только отрѣшиться отъ обычныхъ житейскихъ дневныхъ, какъ говорятъ, злобъ, но и оглянуться назадъ, возобновить въ своей памяти прошлое, пережитое, или выдѣлить изъ прошлаго какой либо особый кругъ событій и переживаній.

Теперь, въ дни послѣдніе предъ отъѣздомъ нашего Архипастыря, Предстоятеля Церкви Американской, хочется всѣмъ взоромъ окинуть его кипучую семилѣтнюю дѣятельность... Но труденъ и непосиленъ для насъ этотъ трудъ въ сии дни: такъ разнообразна, широка и всеобъемлюща была его дѣятельность и работа, что обозрѣть ее въ небольшой статьѣ нельзя. Это дѣло и великая задача будущаго историка. Намъ хотѣлось бы восполнить нѣкоторый пробѣлъ въ существующемъ обозрѣніи дѣятельности Владыки-Архіепископа. Предъ умственнымъ взоромъ читателя, пастыря С.-Американской Миссіи, мы желаемъ представить тѣ пути, какими пользовался нашъ Архипастырь *въ сѣяніи Слова Божія*, сѣяніи, которое онъ совершалъ въ насъ щедрой и полной рукой. И не для того, чтобы оцѣнить или охарактеризовать эту сторону въ работѣ Владыки, но чтобы изъ того почерпнуть для себя урокъ и назиданіе, взять примѣръ для подражанія, поставить для себя цѣль, осуществленіе которой будетъ всегда напоминать намъ о началѣ ея — нашемъ мудромъ Архипастырѣ и тѣмъ возгрѣвать въ насъ благодарную память о немъ. Подражательность наша нашему Предстоятелю, вмѣстѣ съ молитвой о немъ, будетъ той малой лептотой, которую благодарное наше сердце воздастъ ему, какъ посильный плодъ добродѣтели.

Предъ нашимъ умственнымъ взоромъ проходитъ цѣлый рядъ Архипастырскихъ словъ,

посланій и поученій. И какое бы изъ проповѣдническихъ созданій Владыки нашего мы ни взяли, вездѣ и всегда мы найдемъ въ немъ общую мысль-идею, которая какъ нить проходитъ отъ начала до конца слова. Эта идея—мысль высказывается Архипастыремъ ясно и опредѣленно, какъ предложеніе, развитію котораго и посвящается все дальнѣйшее содержаніе проповѣди. Поэтому большая часть проповѣдей Его ВПреосвященства представляютъ изъ себя типъ правильно разчлененнаго, богатаго по содержанію слова. Положенъ ли въ основу слова текстъ (какъ въ Словѣ на Великую Пятницу 1913 г.) или не положенъ (какъ въ Словѣ при освященіи Сиротскаго Пріюта), единство мысли улавливается слушателемъ безъ всякаго напряженія. Особенно характернымъ кажется намъ въ этомъ отношеніи Слово въ день Рождества Христова на текстъ изъ Луки 11, 10—11 (Амер. Правосл. Вѣстн. 1914, № 1). Эта черта, эта особенность говорить всегда строго на тему, развивать одну какую-либо общую мысль присуща Архипастырю въ его рѣчахъ и бесѣдахъ (каковы, напр., изъ напечатанныхъ: рѣчь при освященіи семинарскаго храма, рѣчь при погребеніи о. А. Товта или при отпѣваніи о. А. Михайловскаго).

И эта черта — развѣ не урокъ для насъ? Вѣдь это первая, можно сказать, задача для проповѣдника-пастыря. Не мѣсто, конечно, здѣсь распространяться о противоположномъ, что не разъ встрѣчается у насъ, рядовыхъ гласителей науки Божіей. Вся вѣдь суть въ томъ, чтобы слушатель вынесъ ясное сознаніе о томъ, что хотѣлъ разъяснить своимъ слушателямъ проповѣдникъ, какую мысль онъ имъ раскрывалъ. Конечно, нашъ Архипастырь не новичекъ на проповѣднической каѳедрѣ. Она ему хорошо знакома. Намъ приходилось слышать его слова предъ образованными и, если позволительно такъ выразиться, предъ взыскательными слушателями. Тогда со всей ясностью выступала эта харак-

терная черта. Развитие идеи, иной разъ глубоко философской, давало особенно отчетливо чувствовать строгій планъ говорившаго и ясность представленія у него самого о томъ, что онъ говоритъ.

Высокообразованный, воспитавшійся среди Кіевскихъ святыхъ и проведеншій почти двадцать лѣтъ въ заботахъ о воспитаніи другихъ, нашъ Архипастырь прекрасно знаетъ, какое великое вліяніе оказываетъ на слушателя Слово Божіе. И нѣтъ слова, поученія, гдѣ бы Божественныя словеса ни украшали его мыслей. Типичнымъ въ этомъ случаѣ, по нашему крайнему сужденію, для насъ можетъ служить въ словѣ Его ВПрепосвященства на Великую Пятницу, то мѣсто, гдѣ онъ приводитъ мѣсто изъ посланія св. Ап. Павла къ Евреямъ, указывая на 6-ую главу (стр. 194 за 1913 г.). Глубоко содержательные и выразительные славянскіе обороты и слова Евангельскія и Апостольскія переплетаются съ его разъясненіями и истолкованіями въ удивительной гармоніи. Пасхальное посланіе пастырямъ и пасомымъ Алеутской епархіи (1908 г.)—прекрасный образчикъ такого изложенія проповѣди.

Да проститъ намъ Архипастырь, если мы скажемъ какъ бы въ подтвержденіе справедливости принятыхъ имъ пріемовъ въ проповѣдничествѣ, что Слово Божіе дѣйствительно есть великое богатство само по себѣ и великое орудіе въ его рукѣ, искусно умѣющей владѣть имъ. Даже болѣе, съ Словомъ Божіимъ, какъ единственнымъ источникомъ, регуляторомъ и научнымъ багажемъ, Архипастырь не боялся выступать предъ въ высшей степени изысканной, даже инославной читающей публикой: писалъ съ нимъ ученые богословскія статьи, производяція самое сильное впечатлѣніе на читателей. И этимъ употребленіемъ Слова Божія, частымъ и умѣлымъ обращеніемъ къ нему, Архипастырь и насъ наставлялъ и побуждалъ питаться эгою Божественной пищей. Питаться, назидаться,

исполняться Словомъ Божіимъ — это даже любимѣйшая тема бесѣдъ нашего Архипастыря къ питомцамъ нашей духовной школы. Питаніе это онъ представлялъ такимъ, что оно не только питающемуся доставляло спасеніе, но давало силу питать и другихъ. Это его завѣтъ, самый найстойчивый совѣтъ готовящимся къ миссіонерскому служенію — изучать Слово Божіе, нелѣнно читать и изучать его.

Но если таковъ завѣтъ Архипастыря юнымъ питомцамъ школы, то что сказать намъ, пасущимъ стадо Христово, поучающимъ и проповѣдующимъ Слово Божіе? Это новый и еще высшій, нежели ранѣе указанный, завѣтъ намъ нашего Архипастыря, скрѣпленный примѣрами въ его собственномъ проповѣдничествѣ.

Нашъ слухъ быстрѣе осваивается съ сердечнымъ словомъ и наше сердце, такъ сказать, шире раскрывается навстрѣчу простой, но сердечной рѣчи, идущей именно отъ сердца. Въ этомъ отношеніи удивительны слова и бесѣды нашего Архипастыря: о нѣ замѣчательно доступны по изложенію и весьма сердечны по проникающему ихъ чувству. Какъ будто вся богатая сердечностію и добротою натура Владыки растворяется въ нихъ, чтобы умиротворяюще вліять на человѣческое сердце. Достаточно для подтвержденія прочесть хотя бы Слово Владыки, произнесенное при прощаніи съ прот. А. Хотовицкимъ. При возвышенности содержанія простота рѣчи, самая доступная. А проникающая слова искренность сообщаетъ имъ убѣдительность.

Таковы были и рѣчи Владыки на монастырскихъ «отпустахъ». И намъ теперь очевидно общее положеніе, что не та рѣчь благотворна и убѣдительна, которая какъ струя воды льется непрерывно, а та, которая, увлекая нашу мысль, покоряетъ наше сердце. Когда слушаешь простыя слова Архипастыря, когда слышишь его сердечную рѣчь, неволь-

но чувство умиротворенія наполняетъ сердце, испытываешь удовлетворенность. А тотъ подъемъ и воодушевленіе, съ какимъ Архипастырь нашъ поучалъ насъ, та убѣжденность, какая была видна въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ Владыки, — какъ все запечатлѣвало въ слушатель высокое содержаніе его наставленій!..

Надобно удивляться богатству словеснаго выраженія у Архипастыря. Богатство жизненнаго опыта, разнообразіе тѣхъ условій, въ которыхъ приходилось бывать ему по долгу великаго служенія Церкви, несомнѣнно давали Владыкѣ возможность пользоваться самыми многоразличными примѣрами и мѣтко примѣняться къ состоянію и развитію его слушателей. Иначе онъ развиваетъ свою мысль питомцамъ духовной школы (см. стр. 159 Ам. Вѣстн. 1914 г.), иначе — для затерянныхъ въ Канадской глуши фермеровъ (стр. 10 за 1913 г.), иначе — для духовныхъ отцовъ-миссіонеровъ (стр. 23). Но при такомъ разнообразіи словъ, какое замѣчается въ рѣчахъ Архипастыря, при всей напряженности тѣхъ условій, среди коихъ ему приходилось здѣсь жить и работать, при всѣхъ нападкахъ и недоброжелательствахъ, какія приходилось ему слышать и переживать, Архипастырь не позволилъ себѣ выразить какихъ либо недоброжелательныхъ и рѣзкихъ выраженій, такихъ отвѣтовъ, на которые естественно какъ будто напрашивается рѣчь. Рѣчь при прощаніи съ любимымъ дѣтищемъ Владыки, Русскимъ Эмигрантскимъ Домомъ, типична въ этомъ отношеніи. По своимъ высокимъ христіанскимъ качествамъ, полный христіанской любви даже ко врагамъ, Владыка всегда прощалъ все, что касалось и направлено было противъ его личности.

Не потому онъ не отвѣчалъ на нападки, что не могъ или не зналъ, что должно отвѣтить, какъ наивно думали и высказывались недоброжелатели Миссіи, а потому, что свою

личность Владыка не отстаивалъ помимо общаго дѣла: своею личностію онъ жертвовалъ ради своего Архипастырскаго дѣланія. Поэтому-то и имѣла успѣхъ его проповѣдь, что онъ силою своей любви и христіанскаго смиренія препобѣждалъ злобствующихъ и дышащихъ гнѣвомъ и враждой противниковъ своихъ и его Архипастырскаго дѣланія. Не даромъ эти два свойства христіанина Архипастырь избиралъ не одинъ разъ предметомъ своего нарочитаго изслѣдованія и выясненія (Бес. на 4-ую нед. по 50-цѣ, 1909, стр. 226—230, и трактатъ «О смиреніи», 1910 г., стр. 355—361). Если бы собрать все, что печаталось въ враждебныхъ Миссіи и Церкви газетахъ, что писалось лично, а тѣмъ болѣе говорилось злобнаго, ложнаго, унижительно-оскорбительнаго противъ Владыки за истекшіе семь лѣтъ (какое священное число!) его архипастырства въ Америкѣ, и сравнить и взвѣсить то, что самъ Владыка отвѣчалъ на нападки, чѣмъ въ словѣ реагировалъ на всѣ инсинуаціи противъ него, то получится контрастъ самый несоизмѣримый. И вспоминается слово Премудраго: «Ругается гражданою лишенный разума: мужъ же мудръ безмолвіе водить» (Пр. Солом. XI, 12).

Только въ эти послѣдніе дни мы слышимъ отвѣтъ Владыки своимъ врагамъ (въ упомянутой уже рѣчи въ Эмигр. Домѣ). Это его добрая, полная христіанскаго благожеланія слова. Всѣмъ онъ желаетъ добраго и полного успѣха во всякомъ добромъ христіанскомъ дѣлѣ. Для нашего Архипастыря не существуетъ партій, — для него есть люди, носящіе образъ и подобіе Божіе, обладающіе Богоподобной христіанской душой и личности, призванныя къ Богоуподобленію и безконечному нравственному совершенствованію. Задачей и цѣлью своей дѣятельности онъ поставлялъ и поставяетъ всегда по св. Апостолу — представить всякаго человѣка «совершенна о Христѣ Иисусѣ» (Кол. 1, 28).

Здѣсь опять богатѣйшій урокъ для насъ, пастырей словеснаго стада Христова. Не личное раздраженіе, не вымещеніе неудачъ, порою грубо матеріальныхъ, хотя и крѣпко связанныхъ съ благосостояніемъ приходскимъ, должны чувствоваться въ проповѣди пастыря-миссіонера, даже и чрезъ мѣру отягченнаго скорбями по своему дѣланію. Терпѣніе по любви, по подражанію Господу Христу, — вотъ въ чемъ секретъ успѣха Миссіи, какъ Архипастыремъ выяснено въ его трактатѣ «О свободѣ воли» (1911 г., 359, 375 ид.).

Выходя изъ той же любви и доброжелательности къ ближнему, желая всеѣмъ людямъ спасенія, Владыка шире и глубже взглянулъ на дѣло проповѣди. Не только вездѣ, при всякомъ торжествѣ, посвященіи или простомъ служеніи онъ неутомимо и неопустительно проповѣдывалъ, въ наиболѣе удаленныхъ уголкахъ необъятной Сѣверной Америки съ ея Канадой и Аляской, но выступилъ съ этой проповѣдью и для инославныхъ христіанъ. Его англійскія статьи являются тою же проповѣдью вѣры православной, раскрытіемъ основныхъ православно-христіанскихъ догматовъ. Статьи эти произвели и производятъ неотразимое впечатлѣніе. Онѣ трактуются, какъ критерій истинности самой Церкви, не упоминая уже о той извѣстности, какую онѣ сообщили имени нашего Архипастыря въ инославномъ богословскомъ мірѣ, и о тѣхъ похвальныхъ печатныхъ и письменныхъ отзывахъ ученыхъ лицъ, какіе эти статьи вызвали. Разумѣемъ Рѣчь въ Филадельфій «По вопросу о соединеніи церквей» (1910 г.), трактатъ «Мое мнѣніе» по тому же вопросу (1913 г.) и разсужденіе «Вѣра въ пониманіи Православнаго Богослова» (1914 г.), и болѣе мелкія замѣтки, рѣчи и письма.

Въ этой области почти невозможно рядовому пастырю-миссіонеру быть подражателемъ трудовъ и апостольскаго рвенія Архи-

пастыря. Но завѣтъ св. Апостола: давать отвѣтъ каждому вопрошающему о нашемъ упованіи (1 Петр. 3, 15) иллюстрированъ для насъ въ проповѣдничествѣ Владыки какъ нельзя болѣе рельефно.

Къ разряду проповѣдническихъ трудовъ Архипастыря должно отнести тѣ посланія, какія время отъ времени выпускались Владыкою — то по вопросу о лучшей постановкѣ образованія въ приходахъ Алеутской епархіи, то по поводу угнетенія православныхъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи, то по поводу священныхъ событій, происходившихъ въ Отечественной Церкви, какъ напр., прославленій Святителя Іоасафа и Патріарха Гермогена, или по поводу кончины вышнихъ іерархическихъ лицъ въ Церкви Православной, какъ напр., патріарха Константинопольскаго Іоакима и митрополита С.-Петербургскаго Антонія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Архипастырское слово было исполнено приличествующей событію важности, мѣтко отмѣчая значеніе для вѣрующихъ самого событія. Этимъ родомъ проповѣдничества Архипастырь выступалъ предъ нами во всемъ величій Апостольскихъ полномочій, и мы радовались въ этомъ «свѣтеніи» нашего Первосвятителя. Послушаніе ему являлось для насъ священнымъ долгомъ и участіе съ нимъ въ молитвѣ по поводу этихъ событій давало полное чувство столь святаго апостольскаго «общенія святыхъ».

Окидывая однимъ взоромъ Архипастырское *съяніе Слова Божія*, мы не можемъ не высказать нашему Архипастырю искренней сыновней признательности и благодарности за то великое духовное утѣшеніе, которое мы такъ часто получали въ слушаніи и чтеніи проповѣдническихъ трудовъ Владыки, которыми мы питались и направлялись на доброе дѣланіе. И мысль, что вся Православная С.-Американская паства уже не только не услышитъ, но и не увидитъ своего руководителя-Предстоятеля, не можетъ не смущать насъ.

Въ теченіе семи лѣтъ онъ опытно, величественно и смѣло, велъ корабль православной вѣры Христовой въ этой трудовой странѣ, и велъ съ великимъ и благимъ успѣхомъ. Его грудно нынѣ и обзрѣть...

Если пройти вдоль и поперекъ всю С.-Америку съ ея Канадой и Аляской, мы увидимъ не единицы, а десятки новыхъ православныхъ храмовъ, порою настолько величественныхъ и благоуукрашенныхъ, что они могли бы служить украшеніемъ и нашихъ русскихъ губернскихъ городовъ. Мы увидимъ наладившееся истовое уставное православное богослуженіе. Мы услышимъ благозвучное хоровое пѣніе, порою настолько стройное и умиленное, что даже изысканный слухъ побѣждается имъ. Все это отраженіе Архипастырскихъ заботъ, результатъ благовѣстничества Владыки. Трудно, даже нѣтъ возможности учесть все то вліяніе, какое оказываетъ на окружающее населеніе наше православное богослуженіе и пѣніе. Но тотъ фактъ, что каѳедральная капелла своимъ пѣніемъ произвела въ этой странѣ не подъемъ только и холодный интересъ къ русской церковной музыкѣ (вплоть до стѣнъ Бѣлаго Дома), но цѣлый переворотъ въ музыкѣ, обнаруживается въ томъ, что инославные христіане приспособляютъ русскія церковныя мелодіи для своихъ церковныхъ цѣлей. Не безъ вліянія, должно думать, и другія стороны русской православной жизни на жизнь въ странѣ этой, гдѣ движеніе впередъ, усовершенствованіе и приспособленіе новаго составляетъ законъ бытія. Въ этомъ смыслѣ работая ради своей Православной Церкви, Архипастырь вносилъ громадную дозу новаго, чисто православнаго и во всю мѣстную культуру. Та доза вліянія станетъ въ будущемъ почвою для возможно большей продуктивности православнаго благовѣстничества и насъ, мелкихъ сѣятелей Слова Божія въ этой странѣ.

Взирая на Того, Кто сѣялъ щедрой и

полной рукой, хочется выразить свой восторгъ и сказать: «Взгляни, Добрый Сѣятель, на засѣянную Тобою ниву, какой тучный всходъ она дала, какая пышная растительность развилась и развивается на ней! Не умреть, не заглохнетъ этотъ всходъ, онъ будетъ возрастать и возрастать. А Ты, Добрый Архипастырь, какъ истинный землепашецъ-труженникъ, обработавши одно поле, идешь на новую ниву, чтобы снова сѣять и сѣять безсмертные глаголы вѣчной жизни. Прими же, нашъ Владыка, какимъ Ты былъ для насъ доселѣ и какимъ — вѣримъ — останешься въ нашихъ сердцахъ навсегда — нашъ привѣтъ, благодареніе и молитвенное благожеланіе:

«Господина и Архіерея нашего,
Господи, сохрани на многая лѣта!»

«Тон Деспотин ке Архіереа имон
Кирие филатте ис полла эти!»

Мній изъ пастырей.

«о»

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Прощальные блики зари золотой
ужь гаснутъ

И землю холодную ночь одѣвають
покровомъ своимъ...

Когда первый человѣкъ, созданный Богомъ, увидѣлъ въ первый разъ солнце заходящее и скрывающееся за небосклономъ; замѣтилъ, какъ вмѣстѣ съ солнцемъ замираетъ вся жизнь дневная, молкнуть лѣса, затихаетъ пѣніе птицъ, закрываютъ цвѣты свои чашечки, темнѣетъ небо и надвигаются сумерки перваго вечера; когда человѣкъ послѣ перваго радостнаго и свѣтлаго дня своего существованія окунулся во тьму ночную — душа его смутилась страхомъ и ужасомъ. Неужели всему конецъ? Неужели не будетъ больше золотого свѣта, ласкающаго тепла, голубого неба? Неужели можно жить безъ всего этого? Что добраго сулитъ такая жизнь? И очи его, еще непривыкшія къ темнотѣ, невольно обращались къ небу, еще

недавно такому свѣтлому и прекрасному, искали Бога Небеснаго, съ тоской и скорбью вопрошая Его, неужели такъ скоро забыто и оставлено все созданное Имъ?

Подобныя же чувства смятенія, растерянности и страха испытываетъ теперь и вся Американская Русь, лишаясь своего солнца, лишаясь того тепла и свѣта, подъ которымъ она выросла, съ которымъ она сроднилась, къ которому привыкла и жизнь безъ котораго ей будетъ сумрачной и тусклой. Такое же чувство, чувство охватившее душу перваго человѣка, оставшагося безъ живительнаго тепла и свѣта, испытываемъ и мы... но только съ той страшной разницей, что первый человѣкъ, прадѣдъ нашъ, скоро былъ утѣшенъ въ своемъ горѣ: послѣ короткой ночи, еще ярче, еще ослѣпительнѣе, еще ласковѣе свѣтило и улыбалось солнце, еще душистѣе пахли цвѣты, еще торжественнѣе раздавалась хвалебная пѣснь природы своему благовому Творцу. А мы... мы увѣренно знаемъ, что ночи нашей не будетъ конца... Навѣрное знаемъ, что не будетъ утѣшенія скорби нашей! Уходитъ отъ насъ дорогой нашъ Архипастырь, Владыка Платонъ, свѣтъ и радость жизни нашей! Заходитъ солнце Руси Американской и мы знаемъ, что для насъ оно не взойдетъ ужъ снова!

Будетъ ли возможной жизнь безъ него? Вѣдь это онъ, святитель нашъ, силой духа своего животворно возродилъ къ жизни новой Русь нашу Православную Американскую; онъ устроилъ ее; онъ укрѣпилъ ее; согрѣвалъ ее любовью своею; поддерживалъ ее крѣпостью вѣры своей: берегъ ее заботами своими; отдавалъ ей всего себя. Она истинное его дѣтище духовное, вспоенное и вскормленное имъ. Она жила его жизнью, согрѣвалась его тепломъ, питалась его свѣтомъ и къ нему, какъ источнику тепла и свѣта своего, постоянно обращалась душой своею. И вотъ его не будетъ! Станетъ ли возможной жизнь безъ него?

Солнце наше скрывается отъ насъ и утрату эту пойметъ, почувствуетъ и сознаетъ вся Русь Американская, почувствуетъ каждая душа русская, но непонятнымъ и страннымъ покажется одно: какъ это можетъ быть, что его уже нѣтъ съ нами? Нѣтъ того, кто такъ безконечно близокъ, необходимъ и дорогъ намъ? И встанетъ тяжелая дума: что, если испытаніе это прійдется не по силамъ твоимъ, дорогая мать наша, Православная Русь Американская? Что если ударъ этотъ разрушитъ все то, что съ такимъ трудомъ и съ такой любовію созидалось?

Тяжкой болью отозвется уходя Владыки въ каждомъ сердцѣ, но болѣе и ощутительнѣе всего скажется эта утрата въ нашей духовной семьѣ среди насъ, ближайшихъ сотрудниковъ и сорботниковъ Владыки. Осиротѣемъ мы! Не будетъ съ нами нашего Наставника добраго, нашего защитника крѣпкаго, нашего отца родного, милостиваго. Не будетъ съ нами того, кто былъ для насъ всѣмъ и вся. Уйдетъ отъ насъ источникъ силы нашей и бодрости и крѣпости духовной. Къ Кому прибѣгнемъ мы въ годину тяжкую, когда ополчится на насъ врагъ, когда устанемъ мы въ борьбѣ, когда сомнѣнье въ себѣ и въ силахъ своихъ войдетъ, закрадется въ душу нашу? Кто тогда пойметъ, поддержитъ и укрѣпитъ насъ?

Всякій разъ, когда мы видѣли дорогого Владыку нашего, когда прикасались къ нему душой своею, мы чуяли силу прибывающую и вселяющуюся въ насъ. Эта сила перерождала и обновляла насъ; эта сила давала намъ увѣренность въ себѣ; увѣренность въ побѣдѣ, увѣренность въ будущемъ. И какъ бы тяжело ни приходилось намъ подъ гнетомъ всякихъ бѣдъ и непріятностей и мнимыхъ и дѣйствительныхъ, которыя въ такомъ изобиліи выпадаютъ на долю америк. миссіонера, какъ бы ни горько, ни досадно было на душѣ, — но стоило только намъ увидѣть ясныя очи дорогого Владыки нашего,

услыхать голосъ его, стоило только намъ приобщиться его постоянной бодрости духовной, его постоянному духовному подъему, — и всѣ наши «бѣды» казались намъ такими мелочными, такими ничтожными и жалкими, что становилось совѣстно за себя, за свое малодушіе и уныніе.

Владыка былъ великой души человѣкъ, великой силы и крѣпости духовной. Его нравственное обаяніе очаровывало и покоряло насъ. Въ его присутствіи мы сами дѣлались лучшими, болѣе сильными, смѣлыми и правдивыми. Проще смотрѣли на жизнь и на нашу работу. Онъ покорялъ насъ своей прямою, своей сердечностью, своей особой, правдивостью. Онъ былъ правдивъ и въ дѣлахъ, и въ словахъ и въ отношеніяхъ своихъ къ намъ и намъ дорога была эта правдивость его; мы привыкли къ ней, какъ къ голосу своей совѣсти, она подкупала даже скрытыя и черствыя души.

Не любилъ Владыка хвалить безъ нужды, но и не гнѣвался напрасно; доброе сердце его не помнило зла, не помнило обиды. Онъ умѣлъ исправить, научить, ободрить, но никогда не умѣлъ наказывать... и не хотѣлъ этого. Но когда мы были достойны его милости, т каждое слово его было дороже для насъ всякой награды. Чуткимъ сердцемъ своимъ онъ умѣлъ понять человѣка, умѣлъ разгадать «тайная» его, умѣлъ раздѣлить и скорби и радости, умѣлъ утѣшить и ободрить упавшихъ душой. Онъ зналъ насъ и мы знали его.

А какой истинноправильный взглядъ былъ у Владыки на нашу работу, на наше служеніе Богу и людямъ, на наше призваніе миссіонерское. И какъ умѣлъ Владыка отстоять и защитить тѣхъ миссіонеровъ, кто безъ страха творилъ дѣло Божіе, кто, не взпяя на свое личное благо, неуклонно слѣдовалъ велѣніямъ своего долга пастырскаго. Для тѣхъ не страшны были ни доносы, ни жало-

бы, ни клевета, ни гоненія. Ничто не могло поколебать увѣренности Владыки, ничто не могло измѣнить его добрыхъ, милостивыхъ отношеній къ такимъ пастырямъ. Гонимые правды ради были особенно любимы Владыкой и всегда, не въ примѣръ прочимъ, отличаемы. А съ какой любовью, съ какой отеческой внимательностью входилъ Владыка Платонъ во всѣ нужды наши, какое сердечное участіе проявлялъ ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни нашей, ко всѣмъ невгодамъ нашимъ. Сколько добра оказано Владыкой каждому изъ насъ, сколько сердечнаго участія, сколько заботливости... Объ этомъ нельзя рассказать... Это каждый изъ насъ помнить, каждый чувствуетъ! Въ его сердцѣ жила святая потребность сдѣлать доброе, порадовать дѣтей своихъ даже и тогда, когда они не вполне были достойны этого. А сколько трудовъ и хлопотъ своихъ приложилъ Владыка Платонъ, чтобы поднять матеріальное положеніе своего духовенства? Сколько разнаго рода непріятностей и огорченій пришлось ему изъ за этого вынести! А мучительный въ неясности своей вопросъ о нашей такъ наз. пенсіи, о пенсіи вдовамъ и сиротамъ нашимъ — развѣ не отдавался всякій разъ глухою болью въ любящемъ сердцѣ Владыки? Развѣ не видѣли мы тѣхъ слезъ, которыми плакалъ Владыка два года тому назадъ, уѣзжая въ Россію хлопотать о нашихъ вдовахъ и сиротахъ? Развѣ горе необезпеченности нашей не ложилось тяжелымъ гнетомъ на его сердце? Онъ былъ всегда нашъ! Онъ былъ всегда съ нами! Онъ не оставался равнодушенъ ни къ радостямъ, ни къ скорбямъ нашимъ. Ничто наше не было ему чуждымъ. И онъ намъ былъ родной!

Этимъ то и объясняется то чувство благоговѣйной любви и сыновней преданности, которое каждый изъ насъ питаетъ къ своему дорогому Владыкѣ. Это и заставляло насъ повиноваться и служить своему Архипасты-

рю не только за страхъ, но и за совѣсть. Это и открывало передъ нимъ души наши.

И теперь, когда мы узнали, что его уже не будетъ съ нами, что уходитъ отъ насъ тотъ, съ кѣмъ срослись мы душою своею, кто любилъ и жалѣлъ насъ, какъ дѣтей своихъ и кого мы такъ беззавѣтно любили — горю и скорби нашей нѣтъ конца и не будетъ просвѣта. Болитъ сердце наше и в тоскѣ своей взываетъ къ Господу. Сохрани Милосердный, нашего дорого, любимаго Владыку на долгіе, счастливые годы! Воздай ему

милостями Твоими богатыми за все то, что онъ далъ намъ! Увѣнчай его славою Твоею и честію. Поставь его, какъ свѣтильникъ добра и правды Твоей, на гору высокую; чтобы лучи его свѣтили не только для другихъ, но могли достигнуть и насъ покинутыхъ и безпомощныхъ...

Оставляетъ насъ дорогой Архипастырѣ... Заходитъ солнце наше... догоритъ заря... и сгустятся сумерки.

Свящ. Е. Крыжановскій.

1 Мая 1914 г.

Вѣра въ пониманіи православнаго Богослова

Высокопреосвященнѣйшаго Архiepископа ПЛАТОНА.

Faith as it is Understood by an Orthodox Divine.

By His Grace, The Most Reverend Archbishop PLATON.

(Окончаніе)

Я бы и не упоминалъ объ этомъ взглядѣ Cook'a, если бы высказанная имъ, м. пр., столь горделивая, хотя покоящаяся на чисто внѣшнихъ, говорю, да и то весьма сомнительныхъ основаніяхъ, мысль, не была присуща и членамъ другихъ вѣроисповѣданій. Недавно, напр., бесѣдую съ однимъ весьма почтеннымъ сѣдовласымъ епископаломъ и слышу отъ него: «представьте себѣ, многіе и весьма многіе американцы считаютъ васъ русскихъ за вашу любовь къ внѣшности въ религіи, къ обрядамъ, чуть не язычниками». «И у насъ, представьте себѣ, многіе и весьма многіе считаютъ васъ культурными», отвѣчаю я. Такими любезностями обмѣнялись мы. Мой американецъ протянулъ: «yes!» и задумался. Не знаю, о чемъ онъ думалъ, а я, глядя на него, думалъ: «какъ мы далеки еще другъ отъ друга и даже чужды другъ другу, — если и есть что общее у насъ, то это вѣра во Христа; это высокое чистое чувство, единственно могущее, казалось бы, насъ сблизить и объединить, — а между тѣмъ,

(Conclusion)

I should not mention the opinion of Mr. Cook, which is so confident, yet founded on such an external and insecure basis, did we not find an echo of it among other denominations. For instance, a venerable, gray-haired Episcopalian said to me, in conversation, the other day: "Many, many Americans think that you Russians are no better than heathens, because of your fondness for ritual and the externals of religion." I replied: "Many, many in Russia think that you are a cultivated nation." Having thus exchanged compliments, my American friend uttered a long-drawn "Ye-es!" and grew pensive. I do not know what his thoughts were, but mine were: "How far apart we still are, even what strangers we are, and, if we have anything in common, it is the faith of Christ; this pure and lofty feeling alone seems able to bring us together and to unite us; and yet even on this ground, which we seem to hold in common, we have gone so far from each other."

именно на этой наиболѣе и почти исключительно общей для насъ почвѣ — мы такъ разошлись».

Но неужели христіане такъ никогда и не сговорятся другъ съ другомъ, — неужели они, сознавая необходимость единенія, такъ никогда и не убѣдятъ другъ друга въ возможности его и на дѣлѣ не приступятъ къ осуществленію его, — неужели можно и дальше не обращать вниманія или бороться въ одиночку съ этимъ нынѣ видимо принимающимъ господствующее и положительно угрожающее положеніе антихристіанскимъ духомъ?

Какъ, напр., покажется эта замѣтка въ N. Y. Ev. Journal, отъ 22 Ноября 1913:

“Berlin, November 22. The agitation of non-sectarian Socialists, free thinkers and atheists against the State Church is reaching serious proportions to-day. More than 5,500 persons resigned from the Church in Berlin to-day, as a result of mass-meetings. It is estimated that 35,000 Church members have left the Church in Berlin alone since the movement began.”

Что побуждаетъ насъ не только сторониться другъ друга, но часто и непримиримо враждовать другъ съ другомъ? И эта непримиримость существуетъ не только между отдѣльными христіанскими вѣроисповѣданіями, а и между отдѣльными членами одного и того-же вѣроисповѣданія. Хоть бы эти, напр., нынѣшнія отношенія у «модернистовъ» къ римо-католической церкви и ея оффиціаламъ. Мнѣ пришлось читать изслѣдованіе о модернизмѣ въ римо-катол. церкви здѣшняго ученаго С. А. Briggs⁶⁾ и итальянскаго профессора Giovanni Luzzi.⁷⁾ Оба отрицательно относятся къ отношенію папы Пія X къ модернизму, но насколько первый старается быть объективнымъ и стоять на строго научной исторической почвѣ, настѣлько второй пишетъ съ крайнею страстностью и говорить, м. пр., о нынѣшнемъ папѣ Піѣ

Will Christians, then, never come to any agreement? Will they never, though conscious of the need of union, persuade each other that it is possible and attempt its realization? Is it possible for Christians further to disregard, or to fight seperately against, the anti-Christian spirit which is at present assuming a dominant and really threatening attitude?

For example, here is a cutting for the *New York Evening Journal*, of November 22, 1913:

“Berlin, Nov. 22. The agitation of the non-sectarian Socialists, free thinkers and atheists against the State Church is reaching serious proportions to-day. More than 5,500 persons resigned from the Church in Berlin to-day, as a result of mass-meetings. It is estimated that 35,000 Church members have left the Church in Berlin alone since the movement began”.

What is it that makes us not only keep aloof from each other, but even show irreconcilable animosity toward each other? And this animosity exists not only between different confessions, but even between members of the same confessions. Take the example of the Modernists in their relation to the Roman Church and its officials. The other day, I came across studies of Modernism by C. A. Briggs⁶⁾ and by an Italian professor, Giovanni Luzzi⁷⁾. They both disapprove the attitude of Pius X towards the Modernists, but, whereas the former endeavours to be objective and to keep to the purely scientific grounds of history, the latter writes with passion, and, when speaking of Pius X, assumes a tone which positively leads me to refuse to believe his statements. Or take the other example of the innumerable fractions of Protestantism perpetually disputing with each other, and trying to prove the necessity or superfluity of this or that element in religion. Or take

⁶⁾ Church Unity (New York, 1909, XIII): The Encyclical Against Modernism.

⁷⁾ Review and Expositor (July, 1913), pp. 371—372.

⁶⁾ Church Unity, New York, 1909; xiii: The Encyclical Against Modernism.

⁷⁾ Review and Expositor, July, 1913, p. 371—372.

Х въ такомъ тонѣ, что рѣшительно отказываешься вѣрить тому, что онъ говоритъ, — или это, напр., безконечное множество вѣчно спорящихъ между собою протестантскихъ фракцій и доказывающихъ другъ другу необходимость того въ вѣрѣ и ненужность этого, — или это чуть не враждебное отношеніе къ восточному православію со стороны неправославныхъ, для которыхъ православіе собственно абсолютная *terra incognita*.

А между тѣмъ, основываясь на единствѣ вѣры въ нашего общаго Спасителя и Испытателя, на единствѣ вѣроисповѣданія, и призванія, которое можетъ быть осуществлено только посредствомъ исполненія воли Божіей, апостоль Петръ требуетъ отъ всѣхъ христіанъ полнаго единодушія и даже единомыслия: «будьте всѣ единомысленны» (1 Петр. 3, 8), говоритъ онъ ко всѣмъ братьямъ во Христвѣ. Кто станетъ отрицать то, что принципъ христіанскаго братства исключаетъ изъ жизни христіанъ не только ихъ взаимную вражду, но и вообще какое бы то ни было раздѣленіе?

Ап. Павелъ требуетъ во имя общей намъ вѣры, мира, согласія (Еф. 4, 31-32) и положительнаго сплоченія людей въ одно тѣло—Церковь Христову, чтобы тѣмъ успѣшнѣе вести единственно допущенную во Христвѣ борьбу противъ грѣха, который разрушаетъ единство между людьми. Эту борьбу христіанство не только допускаетъ, но даже заповѣдуетъ намъ: «облекитесь во все оружіе Божіе, наставляетъ апостоль Павелъ, чтобы вамъ можно было стать противъ козней дьявольскихъ... станьте, препоясавше чресла ваши истиною, и облекитесь въ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовать миръ, а паче всего возьмите щитъ вѣры»... (Ефес. 11—14—16).

Какъ видно изъ этихъ словъ Апостола, допустимая въ христіанствѣ борьба ведется противъ царства лжи, вражды и нечестія, ведется во имя спасенія всѣхъ людей и по-

the almost inimical attitude of the non-Orthodox towards Eastern Orthodoxy, although properly speaking, Orthodoxy is absolutely a *terra incognita* for them.

And yet resting on the oneness of faith in our common Saviour, on the oneness of confession and calling, which can be realized only by the fulfilment of the Master's will, St. Peter the apostle demands from all complete unanimity, and even oneness of thought: "Be ye all of one mind," he says (I Peter 3: 8) to all his brethren in Christ. Who can deny that the principle of Christian brotherhood banishes from the life of Christians, not only all animosity but even all sense of separateness in general? St. Paul, in the name of our common faith, demands peace and harmony among men (Eph. 4: 31—32) and the drawing of them all into a single body—the Church of Christ, in order that they may fight the only battle permitted to them in Christ—the battle against sin, which destroys unity among men. This fight is not merely allowed by Christianity, it is even commended: "Put on the whole armour of God that ye may be able to stand against the wiles of the devil . . . stand, therefore, having your loins girt about with truth and having on the breastplate of righteousness; and your feet shod with the preparation of the gospel of peace; above all, taking the shield of faith . . ." (Eph. 6: 11—16). As may be seen from these words of the apostle, the fight permitted by Christianity is conducted against the reign of lies, animosity and wickedness, and for the salvation of all people; it should, therefore, facilitate the greater development of internal unity among them, just as when several nations are leagued together to fight a common foe, there is developed in them a certain sense of national unity. The struggle demanded by Christianity is one of the chief conditions of that very consciousness

тому должна способствовать еще большому развитію внутренняго единства между ними, подобно тому, какъ въ международныхъ войнахъ борьба противъ того или другого національнаго врага оживляетъ въ борющемся народѣ сознание національнаго единства. Требуемая христіанствомъ борьба служить однимъ изъ главныхъ условій того именно сознанія общехристіанскаго единства, на которое въ свое время указывали церковные писатели первыхъ вѣковъ христіанства. По ихъ воззрѣніямъ, всѣ соединенные узами христіанскаго братства, къ какой бы народности не принадлежали, какимъ бы разстояніемъ не были раздѣлены, составляютъ одинъ народъ (Василій Вел., Бл. Августинъ и др.). Единство вѣры соединяетъ раздѣленныхъ пространствомъ христіанъ, какъ если бы они были ближайшими сосѣдями (Василій Вел.).

Не достойно ли глубокой печали то, что вѣроисповѣдное раздѣленіе глубже всякаго политическаго, что христіанскія вѣроисповѣданія не смогутъ даже приблизиться къ мысли, не говоря, о соединеніи, а хоть бы сблизеніи, въ то время, какъ враждующіе другъ съ другомъ эгоистически настроенные народы на политическомъ полѣ мирятся и вступаютъ въ союзы, въ то время, какъ эта «солидарность» является лозунгомъ и мотивомъ жизни нашихъ дней. Посмотришь и на эту обыденную жизнь, на всѣ эти заботы человѣка о себѣ и своей жизни, о сохраненіи и улучшеніи своего временнаго существованія: сколько, видимо, во всемъ этомъ земнаго, если можно такъ выразиться, сколько мелочнаго! И однако, человѣкъ весь отдается этому дѣлу, онъ употребляетъ на него, а иногда и губитъ ради него всѣ свои силы, весь свой умъ, энергію, свою даже жизнь. Въ достиженіи своихъ цѣлей онъ соединяется съ другими, которые могутъ ему помочь и помогаютъ въ этомъ, и такимъ образомъ составляютъ цѣлыя общества, объединенныя

of universal Christian unity to which Christian writers of the early centuries referred in their days. In their view, all people, once they are bound by the ties of Christian brotherhood, make up one nation, to whatever nationality they belong by blood, and however great the distances that separate them (St. Basil the Great, St. Augustine and others). Oneness of faith unites Christians separated by distance just as if they were the closest neighbours (Basil the Great). Is it not a matter for profound grief that difference of confession is deeper than the sharpest political separation, that Christian confessions cannot come near to the idea (I dare not say of union) but even of a *rapprochement*, whereas inimical nations are able, for purely egotistical purposes, to be reconciled and to enter into coalitions, and whereas "solidarity" is the watchword and motive of the common life of our day? Let us also cast a glance at this common life, at all the care men take of themselves and their lives, for the preservation and amelioration of transitory earthly existence. How much of it is earthly, how much of it is trivial! Yet men give themselves up wholly to this labour — spending on it, sometimes squandering on it, all their power, intellect, energy, often their very life. In pursuit of his object, one man is joined by others, who can and do help him, and thus are formed large bodies of men often united by no lofty ideas, very commonly united by the meanest interests.

And we, Christians, though belonging to different confessions, surely know that the question of eternity is solved for us all in the same way, as we all believe in the one Lord Jesus Christ, as we feed our souls on the same spiritual bread offered to us in the Holy Scripture, are nurtured and live here on earth within the sphere of the same lofty ideas, holy and eternal ideas, and are

часто не высокими идеями и весьма часто самыми низменными интересами... А мы, христиане, хотя и принадлежимъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ, но всё мы не можемъ не знать, что для насъ всёхъ одинаково разрѣшенъ вопросъ о вѣчности, такъ какъ всё мы вѣруемъ въ одного Господа Иисуса Христа, питаемъ душу свою однимъ духовнымъ хлѣбомъ, который предлагается намъ въ Слово Божіе, живемъ и воспитываемся здѣсь въ этой земной жизни въ кругѣ однихъ и тѣхъ же идей—высшихъ, святыхъ, вѣчныхъ и уносимся отсюда въ ту область невечерняго свѣта однимъ и тѣмъ же дуновеніемъ, приходящимъ свыше,—мы братья по духу, мы родные по вѣрѣ, являемся на дѣлѣ чужими и чуждыми другъ другу. Какой, напр., шумъ подняли на дняхъ пресвитериане изъ-за того только, что президентъ Вильсонъ посѣтилъ католическое богослужение на Thanksgiving Day, — или эта, напр., передѣлка нашей пѣсни «Достойно есть» такъ, чтобы вмѣсто «Богородицы» въ ней воспѣвался «Агнецъ»...

Не ясно-ли, что протестанты на практикѣ относятся къ католикамъ не съ меньшею нетерпимостью, чѣмъ послѣдніе относятся ко всёмъ не-католикамъ. И много-много труда и времени надо, чтобы стало невозможнымъ такое въ жизни отношеніе вѣроисповѣданій одного къ другому. Слишкомъ далеко разошлись они одно отъ другого, такъ далеко, что не видно теперъ и возможности къ приближенію.

Какой ужасающій драматизмъ, какое невыносимо тяжелое положеніе! Но моя Церковь никогда не забывала общенія душъ, никогда не переставала молиться о «мирѣ всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и соединеніи всёхъ». И я вѣрю, я не могу не вѣрить въ возможность этого соединенія, п. ч. и вѣрю и подчиняюсь своей Церкви, подобно тому, какъ въ свое время бл. Августинъ вѣрилъ въ Евангеліе, подчи-

borne hence into the region of eternal light without twilight by the breath of the same wind which blows from above: we, brethren in spirit, we, kindred by faith, are in reality strangers and aliens to each other. For example, how clamorous grew the Presbyterians when President Wilson visited the Roman Catholic Thanksgiving service, and how careful were certain Episcopalian choirs, who altered our Orthodox hymn to the *Holy Virgin*, using its music to sing the praises of the *Lamb*!

Is it not clear that Protestants are as intolerant of Roman Catholics as the latter are of all who are not Roman Catholics? And it will take much labour and much time so to alter matters that such a relation between various confessions shall disappear from their life. They have gone too far from each other, so far that at present one cannot see how a *rapprochement* is possible.

How dreadfully tragic it is; what an unbearable state of things! But my Church has never failed to pray for the "peace of all the world, the prosperity of the holy Churches of God, and the union of all." I believe in the possibility of this union. I could not disbelieve it, because I both trust my Church and obey her. Exactly as, in his own time, St. Augustine believed the Gospel in obedience to his Church: "*ego*" he said, "*vero Evangelio non crederem, nisi me Ecclesiae commoveret auctoritas.*"

The great Father of our own Church, St. John Chrysostom, also says to us: "Christians, you will be responsible not alone for your own salvation, but for the salvation of the whole world." He desired that the prayer of a Christian should be truly all-inclusive, that a Christian at prayer should stand before the Lord accepting the care and concern of all human beings, whatever their nationality or religion. It is evident that the holy Father remembered that Christ bade

няясь авторитету Церкви: “ego, говорилъ онъ, vero Evangelio non crederem, nisi me Ecclesiae commoveret auctoritas”.

Да и нашъ великій отецъ, св. Іоаннъ Златоустъ, говоритъ намъ: «христіане, вы будете отвѣчать не за одно только ваше спасеніе, но и за спасеніе всего міра», — и онъ желалъ, чтобы молитва христіанина была поистинѣ всеобъемлющей, чтобы молящійся христіанинъ представалъ предъ Богомъ, принявъ на себя заботу и попеченіе обо всѣхъ людяхъ, кто бы они ни были и къ какому бы народу и вѣроисповѣданію ни принадлежали. Явно, что св. Отецъ помнилъ то, что всѣхъ людей призываетъ Іисусъ Христосъ взять на себя Его «благое иго». Призывъ этотъ равно относится и къ «погибшимъ овцамъ дому израилева», и ко всѣмъ другимъ народамъ: «есть у Меня, говоритъ Господь, и другія овцы, которыя не сего двора, и тѣхъ надлежитъ мнѣ привести: и онъ услышатъ Мой голосъ, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь» (Іоан. 10, 16).

Всѣ христіане знаютъ, и не могутъ, оставаясь христіанами, но сочувствовать христіанскому братству и объединенію, но на практикѣ остаются даже не безразлично, а просто нетерпимо настроенными другъ къ другу. Просматривая напр., за 15 Ноября газету New York Tribune, я совершенно случайно нахожу замѣтку о томъ, что въ Испаніи протестанты обратились къ правительству съ просьбою разрѣшить имъ «открыть церкви, какъ въ другихъ странахъ». Но «врядъ ли пройдетъ это, такъ какъ кабинетъ министровъ теперь консервативный и онъ вѣроятно будетъ противъ», кончается замѣтка эта. Это ли не христіанское братолюбіе и это ли не христіанская терпимость? Есть ли тутъ «духъ Христовъ», тотъ духъ, который осудилъ даже «сыновъ Воанергеса» (Лук. 9, 54—56; ср. Мѣ. 20, 21—24; Мр. 10, 35—41). И при такомъ отношеніи другъ къ другу — мы такъ мало знаемъ другъ дру-

all people take up His yoke that is easy and His burden that is light. This call is equally addressed to the “lost sheep of the house of Israel” and to all other nations. “And other sheep I have,” says the Lord, “which are not of this fold: them also I must bring, and they shall hear my voice; and there shall be one fold and one shepherd” (John 10: 16).

Surely every Christian knows this: while remaining Christian, people cannot possibly be out of sympathy with the idea of Christian brotherhood and union. But in practice they are not only indifferent but simply intolerant towards each other. For instance, on looking through the *New York Tribune* of November 15th, I chanced to learn that the Protestants in Spain had addressed a petition to the Government to be allowed to open their own churches “as in other countries.” “But,” the paper continues, “this will hardly pass, because the present Cabinet is Conservative, and will most probably oppose it.” Is this, then, Christian brotherliness and Christian tolerance? Is there anything of “the spirit of Christ” in it, the spirit which found it necessary to rebuke the Boanerges, sons of Zebedee (Luke 9: 54—56; Matt. 20: 21—24; Mark 10: 35—41). And while maintaining such an attitude towards each other, we know so little about each other, or even nothing at all. Of late, we have a great many American visitors in our Orthodox Cathedral in New York, “to hear the singing of the beautiful choir.” They hear and go into raptures; they also feel greatly moved by the pomp of our Orthodox service; but, most unfortunately, they know nothing at all of the inner meaning hidden in this singing, this “majestic exterior,” this ritual “which makes one go deep within one’s self and feel that one is near to Christ;” they do not know the inner side of our holy Orthodoxy and what

га, чтобы не сказать, совсѣмъ не знаемъ. Въ настоящее время, напр., американцы во множествѣ посѣщаютъ нашъ православный кафедральный храмъ въ Нью Йоркѣ, чтобы послушать пѣніе «чуднаго русскаго хора». Слушаютъ и восторгаются, умиляются и благолѣпнѣе нашего православнаго богослуженія, къ прискорбію, не зная того, что скрывается подъ этимъ пѣніемъ, подъ этою «величественною внѣшностью», этимъ, «заставляющимъ углубляться въ себя и чувствовать себя близкимъ ко Христу, ритуаломъ», не зная внутренней стороны нашего св. Православія, его содержанія. Если бы они познакомились съ послѣднимъ, то воочию убѣдились бы, что въ нашемъ Православіи, въ нашей вѣрѣ православной, господствуетъ идея единаго христіанскаго общества и братства во Христѣ, — что объ этомъ единеніи не только несетъ на небо молитвенный вздохъ нашихъ вѣрующихъ, но въ нашей Церкви и фактически осуществляется идея объединеннаго христіанства, такъ какъ у насъ сохраняется полное единство духа въ союзѣ мира (Еф. 4, 3), у насъ каждый, отправляя свое назначеніе, живетъ въ общей жизни всего организма (Еф. 4, 16), что согласуетъ дѣятельность отдѣльныхъ членовъ, не стѣсня ихъ свободы; — единство въ нашей Церкви является, такимъ образомъ, внутреннимъ, духовнымъ, органическимъ, и свою Церковь мы, православные, представляемъ, какъ единое великое общество живущихъ на небѣ и на землѣ по православному вѣрующимъ людей, — общество, являющееся совершеннымъ воплощеніемъ божественной жизни, истиннымъ тѣломъ Христовымъ. Приобщая вѣрующаго къ своей жизни, оказывая ему помощь въ его нравственной жизни, помогая ему своими святыми Таинствами и своею молитвою, наша Церковь осуществляетъ идею органической жизни вѣрующихъ во Христа людей чрезъ тѣснѣйшее единеніе ихъ между собою,

it contains. If they became acquainted with is, they would see with their own eyes that, in the Orthodox religion, the idea of one Christian community and brotherhood in Christ reigns supreme; that not only do those who come to worship here pray to Heaven for this union, but that our Church realizes the idea of united Christianity in fact, as in it, each one, fulfilling his purpose, lives the common life of the whole organism (Eph. 4: 3; 4: 16), which harmonizes the activity of individual members, without restraining their freedom. The unity within our Church is inner, spiritual and organic, and the Orthodox represent their Church to themselves as one great community of those who live in Heaven, and those who are still on earth, but all believing in the same Orthodox way, a community which is a perfect incarnation of divine life, the true body of Christ. In allowing a believer to participate in its life, in helping him with its holy Sacraments and its prayers, our Church realizes the idea of the organic life of those who believe in Christ, through a more intimate union among them and by inspiring them with the Holy Spirit, the one true principle of life. Containing the very living spirit of God, our Church is ecumenical or catholic; being a universal union of heaven and earth, our Church is a community whose object is the eternal salvation of its members, united into a single whole by their faith in Christ and their love for Him and for each other (John 13: 35; 15: 12). Therefore we can say that in spirit our Orthodox Church represents the whole Catholic Church, which knows no national boundaries (Matt. 8: 11—12). Aiming at supreme spiritual interests, it rises above everything temporal and finite. Being universal in essence, its spirit embraces all humanity, uniting it into a single whole and bringing it into communion with the heav-

черезъ одушевленіе ихъ Св. Духомъ, единымъ истиннымъ жизненнымъ началомъ. Какъ заключающая въ себѣ вѣчно живущій Духъ Божій, наша Церковь является соборною, или каеолическою, и, являясь универсальнымъ союзомъ неба и земли, Церковь наша есть общество, имѣющее своею цѣлью вѣчное спасеніе своихъ членовъ, объединенныхъ въ одно цѣлое вѣрою во Христа и любовью къ Нему и другъ къ другу (Іоан. 13, 35; 15, 12). Мы, поэтому, можемъ сказать, что наша Церковь Православная по духу своему представляетъ собою всю Каеолическую Церковь, которая не знаетъ національныхъ границъ (Мо. 8, 11, 12). Преслѣдуя высшіе духовные интересы, она возвышается надъ всѣмъ временнымъ и конечнымъ. Ея духъ, будучи универсальнымъ по своей сущности, обнимаетъ все человѣчество, объединяя его въ одно цѣлое и приводя къ единству со всѣмъ небеснымъ (Евр. 12, 21—23), и самую цѣлю существованія Церкви и ея призванія, которая есть спасеніе вѣрующихъ, спасеніе членовъ ея.

Спасеніе достигается вѣрою и добрыми дѣлами вмѣстѣ, или иначе — вѣрою или любовью нераздѣльно, неразрывно, ибо «вѣра безъ дѣлъ мертва». У насъ нѣтъ этой антитезы: оправданія вѣрою въ противовѣсъ оправданію дѣлами. Да и справедливо ли, дѣйствительно ли основательно допущеніе этого противоположенія? Конечно, слѣдуя традиціи, слѣдуя тому, что всасываетъ въ себя протестантъ съ молокомъ матери, онъ скажетъ да, но если онъ задумается надъ этимъ вопросомъ, отнесется къ нему со всѣмъ безпристрастіемъ, и полною серьезностію, онъ по необходимости долженъ будетъ сказать — нѣтъ. Ибо, когда протестантъ говоритъ объ оправданіи только вѣрою, то не понимаетъ-ли, не опредѣляетъ-ли онъ это оправданіе лишь какъ дѣйствіе Божіе, совершившее въ человѣкѣ или съ человѣкомъ моментальный переворотъ, и абсолютно не

only (Heb. 12: 21—23) as well as with the very objects of the Church's calling and existence on earth, that is, the salvation of the faithful, of all its members.

Salvation is attained by faith and good works together; in other words, it is attained by faith and love inseparably united, because "faith without works is dead." With us, the antithesis does not exist; we have no justification by faith in contradistinction to justification by works. And can it be said that there is a real foundation for this distinction? Of course, following the tradition which he has absorbed with his mother's milk, a Protestant will answer, Yes. But if he takes time to think it over dispassionately and in all seriousness, he will of necessity be obliged to answer. No. When a Protestant speaks of justification by faith alone, does he not understand this justification only as the action of God working in man an instantaneous upheaval, absolutely disregarding the very process through which he has come to this upheaval? It is clear that in such a definition more room has been given to faith and less room to works — that is all. Therefore what is meant is the degree of the importance of faith in our justification. This is why we now find in Protestants the idea of faith as the way, and also as the means, of justification, as well as the way and the means taken together. The latter idea is propounded by two Anglican bishops, the Right Rev. Dr. Moule and the Right Rev. Dr. Hopkins⁸). It is evident that these hierarchs are no longer completely satisfied with the purely Protestant doctrine of faith as the only principle of justification. They consider faith practically, and deal with it, amongst other things, as a marriage bond between Christ and the faithful, giving rights and imposing certain duties on both.

⁸) "Justification by Faith", see *Fundamentals*, Volume II, Chicago, 1913, p. 119.

разумѣть при этомъ самого процесса, которымъ человѣкъ подошелъ къ этому переводу, къ этому акту. Ясно, что въ этомъ опредѣленіи вѣрѣ отведено лишь больше мѣста, и добрымъ дѣламъ меньше, и только. Значитъ, рѣчь идетъ только о степени значимости вѣры въ оправданіи человѣка. Вотъ почему встрѣчаешь теперь у протестантовъ понятія о вѣрѣ и какъ о пути къ оправданію, и какъ о средствѣ къ нему, и какъ о пути и средствѣ къ оправданію вмѣстѣ. Послѣднее понятіе о ней даютъ, напр., два англиканскихъ биспопа Monte и Hopkins.⁸⁾ Очевидно этихъ епископовъ не вполне уже удовлетворяетъ чистое протестантское ученіе о вѣрѣ, какъ объ единственно оправдывающемъ началѣ, они смотрятъ на вѣру съ практической стороны, и трактуютъ ее, между прочимъ, какъ «брачный союзъ между Христомъ и вѣрующимъ», дающій права и налагающій обязанности на обѣ стороны. При такой трактаціи протестантство отходитъ далеко въ сторону отъ того своего ученія, по которому — чтобы спастись — достаточно увѣровать, — надо, значить, еще выполнять и требованія «союза», т. е. творить дѣла, достойныя этого союза — вѣры.

Совершенно тоже самое замѣчается и въ римо-католическомъ ученіи. Римо-католическая церковь, когда говоритъ объ оправданіи добрыми дѣлами, то разумѣетъ тотъ процессъ, въ началѣ котораго, по признанію Тридентскаго собора, находится «вѣра — основаніе и корень оправданія». Слѣдовательно, въ добрыхъ дѣлахъ, въ которыхъ выражается любовь христіанина, оправданіе, по взгляду римо-католика, является во всей своей полнотѣ, въ своемъ полномъ видѣ.

Разница, слѣдовательно, во взглядахъ на предметъ, въ опредѣленіи его, въ понятіи о немъ. Моему православному взгляду односторонность, неполнота, и потому несостоятель-

In this treatment Christianity goes very far from that teaching according to which it is enough to believe, in order to be saved: From it, it follows that one must fulfil the conditions of the "bond," that is, perform deeds worthy of this alliance of faith.

The same thing may be observed among Roman Catholics. When the Roman Church speaks of justification by works, it means the process at the beginning of which, as is acknowledged by the Council of Trent, is placed "faith," the foundation and root of justification. Consequently, in the eyes of a Roman Catholic, in the good deeds which express a Christian's love, justification is revealed in its completeness.

Therefore the difference lies in the views taken of the subject, in its definitions and opinions. To my Orthodox eye, the one-sidedness and incompleteness, and therefore the inconsistency, of these two definitions is clearly apparent, for I cannot help seeing that one confession undertakes to define the beginning of the phenomenon, and the other, its end; in the one, faith dominates, though love is also implied; and in the other love dominates through faith is also implied. As result, we have the difference of doctrine; though, in reality, these doctrines seem to contain merely an exaggeration of the basis of disagreement, and the neglect of the basis of agreement.

So we see a profoundly deplorable phenomenon. And still more deplorable is the fact that, though the possibility of agreement is obvious, we are prevented from realizing it because the doctrines of faith and works are founded on the doctrine of original sin, which is differently considered by Protestants and Roman Catholics, and the doctrines are put forward as the logical deduction from the dogmatic teaching concerning original sin. But who can fail to see the instability of the doctrines of faith and

⁸⁾ Justification by Faith, see Fundamentals Vol. II (Chicago, 1913), p. 119.

ность этихъ опредѣленій сразу видна, потому что я не могу не видѣть, что въ одномъ вѣроисповѣданіи берется для опредѣленія начало явленія, а въ другомъ конецъ его, въ одномъ превалируетъ вѣра, хотя разумѣется и любовь, а въ другомъ любовь, хотя разумѣется и вѣра, — въ итогѣ же въ ученіи получается противоположность, хотя на самомъ дѣлѣ въ ученіи этомъ есть, повидимому, лишь преувеличеніе данныхъ къ разногласію и уменьшеніе данныхъ къ согласію. Крайне прискорбное, какъ видимъ явленіе, и прискорбнѣе всего то, что при видимой всетаки возможности сговориться намъ въ этомъ пунктѣ, намъ мѣшаетъ въ этомъ то, что это ученіе о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ создается на основаніи ученія о первородномъ грѣхѣ, — на который разное смотрятъ римо-католики и протестанты, — и является это ученіе какъ бы логическимъ выводомъ изъ того догматическаго ученія о первородномъ грѣхѣ. Но кто-же не видитъ неустойчивости этого, скажемъ такъ, выводнаго ученія о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ и поэтому не естественнымъ-ли будетъ заключеніе о необходимости должной оцѣнки разноисповѣднаго ученія о грѣхѣ.

Я подошелъ, такимъ образомъ, къ главному пункту нашего общаго вѣроисповѣднаго расхожденія и разномыслія и на этомъ долженъ остановиться, такъ какъ обсужденіе даннаго предмета не только вывело бы насъ изъ рамокъ нашей темы, но и поставило бы предъ вопросомъ о христіанскомъ ученіи вообще. Въ этомъ великомъ догматическомъ спорѣ выступаетъ уже реальная противоположность двухъ міросозерцаній, влияние которыхъ сказалось и на ученіи о значеніи въ спасеніи человѣка вѣры и добрыхъ дѣлъ.

Итакъ, предоставляемъ читателямъ судить о томъ, гдѣ правда во взглядѣ на вѣру, какъ спасающую силу, — у протестантовъ ли, у римо-католиковъ, или у насъ, православныхъ. Тамъ ли эта правда, гдѣ вѣрѣ да-

natural to conclude that a revision of the natural to concluded that a revision of the value of the doctrine of original sin is very necessary?

I have now approached the main point of our mutual religious disagreement in word and thought. And here I must stop, as the discussion of this subject would not only lead me away from our present theme, but would compel me to face the question of Christian teaching in general. This grand dogmatic dispute brings into relief the real contrast between two different world-concepts, which show their influence on the doctrines of the importance of faith and works respectively in the salvation of mankind.

We leave it to our readers to judge where the true view of faith, as the force which saves, is to be found; with the Protestants, with the Roman Catholics, or with us, the Orthodox. Is it to be found where an action, which does not belong to it, is ascribed to faith, or where something that belongs to it is taken away from it, or where faith is acknowledged to be the necessary principle of salvation, but of necessity in inseparable union with love? I do not doubt that the importance of the subject will meet with the proper attitude on the part of the readers of *The Constructive Quarterly* of many faiths, and I trust that their love of truth will help them to be strictly objective in their consideration of the arguments which I offer to them. It has been said for the sake of us all, that "love creates all." But, dealing with American readers, I permit myself to add to this a quotation from William Jennings Bryan:*)

"Were a block of ice to be broken by a hammer into a thousand pieces, each piece would continue to be ice; but love in its action is like a ray of sunshine striking the ice; its action is slow but sure, and after a little while nothing will be left of the ice."

And so, if we have love for questions of such limitless importance, if, in trying to

ется непринадлежащее ей, тамъ ли, гдѣ у вѣры отнимается принадлежащее ей, — или у насъ, гдѣ вѣра признается необходимымъ спасительнымъ началомъ, но въ обязательной неразрывной связи съ любовью.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что важность даннаго предмета вызоветъ у разноисповѣдныхъ читателей «Constructive Quarterly» должное къ себѣ отношеніе, и вѣрю въ то, что любовь ихъ къ правдѣ поможетъ имъ быть строго объективными въ оцѣнкѣ предлагаемыхъ сужденій. Для всѣхъ насъ было сказано, что «любовь вся созидаетъ», а имѣя въ виду читателей американцевъ я позволяю себѣ къ этому добавить то, что въ одной изъ своихъ лекцій сказалъ министръ В. Ж. Брайнъ:

«Если бы глыба льда была разбита молоткомъ на тысячу кусковъ, каждый кусокъ остался бы льдомъ. Любовь же въ дѣйствиі подобна солнечному лучу, падающему на ледъ, — этотъ актъ медленный, но вѣрный, и немного требуется времени, чтобы отъ льда не осталось ничего.»⁹⁾

И вотъ, если у насъ будетъ любовь къ этимъ безмѣрной важности вопросамъ, если намъ въ разрѣшеніи ихъ будетъ водить любовь къ правдѣ, то почему намъ не вѣрить въ возможность того, что настанетъ время, когда подъ воздѣйствіемъ этой любви растаетъ ледъ, замораживающій въ насъ — христіанахъ добрая другъ къ другу чувства, исчезнуть эти холодныя, — часто до враждебности, — взаимныя между разноисповѣдными христіанами отношенія, распространится по всему христіанскому міру братолюбная теплота, исчезнетъ все ненужное, чуждое намъ, разъединяющее насъ и останется и утвердится между нами по нашей вѣрѣ въ нашего Спасителя Христа одно лишь единственно свойственное намъ — христіанамъ чувство, имя которому — любовь.

Архіепископъ ПЛАТОНЪ.

28 Ноября 1913 г. Нью-Йоркъ.

⁹⁾ Words of Parkhurst from second lecture on Missions.

solve them, we are guided by the love of truth, why should we not believe that a day will come, when, under the action of this love, the ice which at present freezes within us Christians kindly feelings towards each other, will disappear; when the mutual relations of Christians of different confessions which are sometimes so cold as to make them enemies, will disappear, and the warmth of brotherliness will be spread over the whole Christian world; everything unnecessary, everything alien which separates us, will also disappear; and only one feeling will remain with us, a feeling which, according to our faith in Christ the Saviour, is alone worthy of us, Christians, and whose name is Love.

Archbishop PLATON.

(“Constructive Quarterly”. Edited by Silas Mc Bee. Vol. II, № 2. New York, 1914.)

⁹⁾ Quoted by Dr. Parkhurst, in his second lecture on Missions.

«О»

БЛАГОЧИННИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ.

(Изъ жизни американскаго духовенства).

Небольшой штатъ Коннектикутъ дѣлится на шесть благочинническихъ округовъ Епископальныхъ: въ юго-западномъ углу — Fairfield, въ сѣверо-западномъ — Litchfield, въ центральной части — New Haven, Hartford, Middlesex и восточная окраинная полоса — New London.

Благочинный (archdeacon) Нью-Лондонскаго округа живетъ въ Норвичѣ, въ двѣнадцати миляхъ по прямой линіи на сѣверъ отъ Нью-Лондона. Ежемѣсячно въ округѣ бываетъ благочинническій съездъ, въ началѣ мѣсяца. Майскій съездъ отбылся въ семь году 5-го Мая (нов. ст.).

Къ одиннадцати часамъ утра во вторникъ въ Норвичъ собралось четырнадцать чело-вѣкъ епископальныхъ священниковъ въ церкви св. Троицы. Всего въ округѣ пятнадцать

священниковъ. Въ одиннадцать часовъ утра въ Троицкой церкви совершена литургія. Служилъ благочинный, а прислуживалъ ему въ качествѣ пономаря настоятель церкви. Прибывшіе священники въ цивильныхъ костюмахъ съ клерикальными воротничками заняли мѣста для мірянъ среди церкви. Органъ не игралъ, пѣнія не было; духовенство отвѣчало на возгласы священника простымъ речитативомъ; проповѣди не было. Предъ окончаніемъ литургіи священники въ цивильныхъ костюмахъ подошли къ алтарю, встали на колѣни и благочинный каждому подавалъ по облаткѣ съ дискаса, а слѣдомъ за нимъ настоятель храма подносилъ чашу, изъ которой каждый пилъ однажды. Затѣмъ всѣ снова возвратились на свои мѣста среди церкви и литургія закончилась.

Въ полдень всѣ уже были въ ресторанѣ самой лучшей гостиницы въ городѣ. Былъ сервированъ простой, легкій обѣдъ. Подавался супъ, потомъ рыбное, мясное, пуддингъ и кофе; у каждого прибора стоялъ стаканъ воды со льдомъ и вода въ красивыхъ графинахъ стояла на столѣ между вазъ съ роскошными живыми цвѣтами. Центромъ разговора за столомъ были злободневныя событія въ Мексико.

Изъ столовой перешли въ небольшой залъ, гдѣ сразу же благочинный пригласилъ собравшихся совершить карткую молитву. Всѣ встали на колѣни и прочитали молитву «Отче нашъ». Собраніе объявлено открытымъ. Поданы были сигары и большой стеклянный кувшинъ воды со льдомъ. Всѣ расположились на мягкой мебели въ самыхъ непринужденныхъ позахъ и начался дѣловой митингъ. Сдѣлана переключка присутствовавшихъ. Секретаремъ прочитанъ журналъ предыдущаго собранія. Затѣмъ каждый изъ священниковъ читалъ краткій годичный отчетъ о дѣлахъ своего прихода за 1913-й годъ. Въ частности каждый докладывалъ: а) сколько онъ совершилъ богослуженій въ теченіе года,

б) сколько онъ сдѣлалъ посѣщеній въ дома своихъ прихожанъ, в) сколько было крещеній, г) сколько совершено миропомазаній (конфирмацій), д) сколько прихожанъ приступало къ причащенію, е) сколько дохода было въ теченіе года. Въ концѣ отчета дѣлались общія замѣчанія о жизнедѣятельности прихода, о выдающихся событіяхъ въ приходѣ и взгляды на будущее. По предложенію членовъ собранія намѣчались мѣропріятія къ дальнѣйшему прогрессивному движенію приходской жизни. Рѣшено было, между прочимъ, поручить одному изъ присутствовавшихъ молодыхъ священниковъ, весьма энергичному и дѣятельному человѣку, изслѣдовать въ теченіе года города и мѣстечки въ окраинной части благочинія, опредѣлить точное число живущихъ тамъ епископаловъ и установить, гдѣ можно заложить новые центры приходской жизни. Молодой священникъ съ радостью принялъ предложеніе.

Предсѣдатель, хотя съ головою совсѣмъ посеребренною, руководилъ собраніемъ весьма умѣло, ничего не было недосказаннаго, ничего не было лишняго. Рѣшенія формулировалъ быстро, коротко и ясно. Къ пяти часамъ собраніе закончилось. Всѣ быстро пожали другъ другу руки, сказали «гуд-бай» и побѣжали садиться на трамвай и на поѣздъ домой.

I. II.

ОТЪѢЗДЪ ВЪ РОССІЮ ВЪ ОТПУСКЪ РЕДАКТОРА «СВѢТА», ПРОТ. В. ТУРКЕВИЧА.

Въ 2 ч. пополудни 13 Іюня (по р. 31 Мая) на пароходѣ «Курскъ» отбудетъ на четырехмѣсячный отпускъ въ Россію, вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, редакторъ «Свѣта», *прот. В. Туркевичъ*.

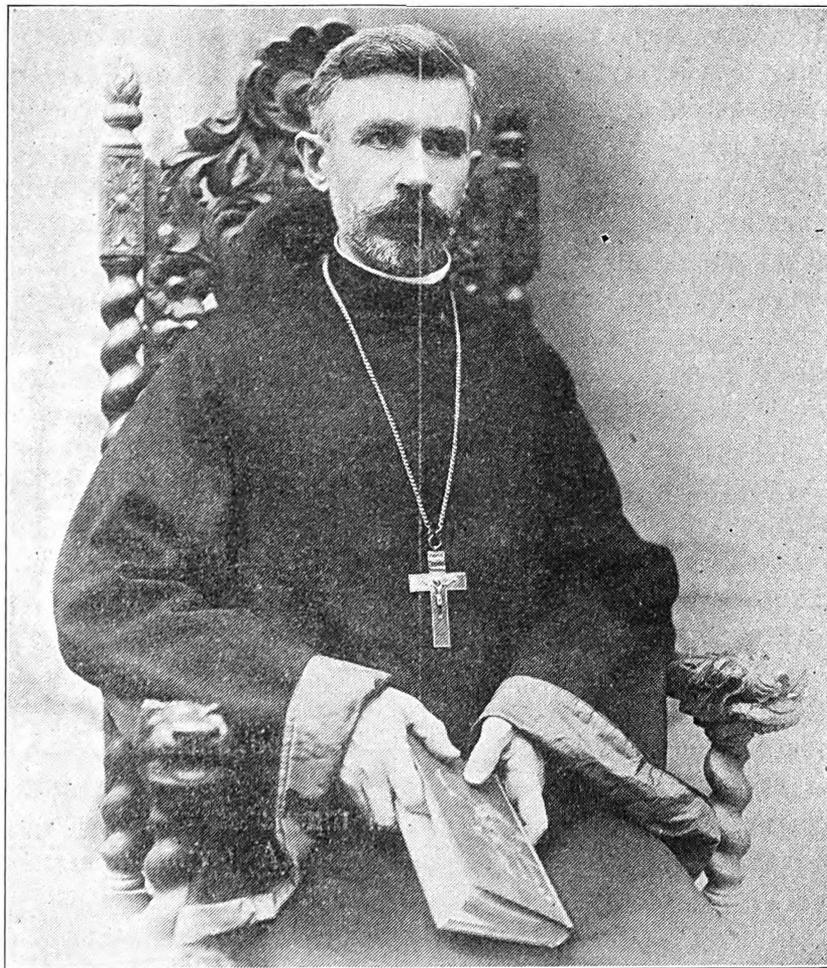
Ежедневная нервная работа по редактированію газеты «Свѣтъ», — участіе, самое горячее, во всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ Американской Руси, — постоянная отзывчивость на запросы со всѣхъ сторонъ, все въ

совокупности, настолько подорвали здоровье и силы этого *перваго руженика русской прессы* въ Америкѣ, что въ прошломъ году онъ едва-едва оправился отъ постигшей его немощи, а въ настоящемъ году вынужденъ отправиться въ долгосрочный отпускъ. Тѣмъ болѣе, что и заботы о семьѣ побуждаютъ его побывать въ Россіи.

Мы не имѣемъ нужды распространяться о

служить общій народный голосъ: — *«онъ зналъ Американскую Православную Русь и она знала и знаетъ его!»*

Да будетъ же благополучно его путешествіе! Да послужитъ оно ему для укрѣпленія всѣхъ его силъ! И пусть вернется онъ опять къ своему вдохновенному труду на общую пользу русскаго православнаго народа въ Америкѣ, бодрымъ и жизнерадостнымъ!

Редакторъ «Свѣта», Протоіерей Венедиктъ I. Туркевичъ.

заслугахъ для Американской Православной Руси о прот. Венедикта Туркевича. Онъ на лицо! Наши изданія, наши Календари, успѣхи Русскаго Правосл. Общества Взаимопомощи, — все это дальнѣйшіе результаты его упорной, многолѣтней, систематической, разумной и вдохновенной умственной работы. Наилучшею наградою для о. В. Туркевича

Юнкерскій православный приходъ, прощаясь съ своимъ настоятелемъ 7-го Іюня, приподнесъ о. протоіерею прекраснѣйшій подарокъ — чайный серебряный сервизъ, а сотрудники по типографіи — письменный бронзовый приборъ.

Хорошаго пути и счастливаго возвращенія!

Л. Т.

ПРОЩАЛЬНЫЕ ДНИ И ЧАСЫ.

Приступая къ сильному описанію послѣднихъ часовъ пребыванія въ Америкѣ среди своей любящей паствы Архіепископа Платона, отнынѣ уже Кишиневского и Хотинскаго не по имени только, но и дѣломъ, напередъ долженъ сказать, что быть описателемъ, вполнѣ исчерпывающимъ происшествія, имѣвшія мѣсто въ эти «прощальные часы», я отнюдь не могу. Столько пережито, столько передумано, столько узнано нами всѣми въ эти часы, что и самому подробному описывателю не хватитъ ни времени, ни силъ ни способовъ удовлетворить цѣли — быть добросовѣстнымъ лѣтописцемъ Миссійной жизни. Одно долженъ сказать спервоначала. Всѣ, кто только имѣлъ хотя малѣйшую возможность насладиться послѣдними днями и часами пребыванія среди насъ Владыки Архіепископа, могли удовлетворить свое желаніе. Владыка Архіепископъ, по безконечной своей добротѣ и снисхожденію, не лишалъ никого этой милости, и самъ видимо находя въ этихъ недолгихъ моментахъ общенія съ своими до сихъ поръ сорботниками, нѣкоторую усладу и удовлетвореніе.

Порядокъ событій, со времени полученія въ Америкѣ извѣстія о перемѣщеніи Владыки Архіепископа въ г. Кишиневъ, представляется въ такомъ видѣ.

Газета «Свѣтъ» въ № 15 отъ 10 Апрѣля, сообщая объ этомъ горестномъ событіи, сообщила вмѣстѣ съ симъ такое, изъ мѣстной жизни: «еще новая православна парафія». Такимъ новооткрытымъ приходомъ является Воскресенскій, такъ называемый «внизу города» (по-русски — «на долине миста»). Въ самый день Христова Воскресенія Преосвященнѣйшій Александръ, въ сослуженіи двухъ іереевъ, совершилъ для новообразованнаго прихода Божественную Литургію при необычайномъ воодушевленіи болѣе

нежели 900 молящихся. Собраніе рѣшило купить для постоянного отправленія Богослуженій цѣлое зданіе въ 36 тысячъ стоимости, на что разрѣшеніе отъ Владыки Архіепископа получено было. Такъ, даже при своемъ уходѣ изъ Америки, Владыка Архіепископъ Платонъ продолжалъ высоко держать знамя Православія и заботиться о его ростѣ. Съ другой стороны это устройство новаго прихода въ г. Нью-Йоркѣ, въ тѣхъ его мѣстахъ, гдѣ наиболѣе скучены русскіе и наиболѣе сильны уніатствующіе, было какъ бы наградою ВПреосвященнѣйшему Владыкѣ за его заботы относительно удовлетворенія нуждъ русскаго народа «внизу города». Народъ понялъ призывъ и отозвался на него всей душою.

Но, еще пока не распространилось извѣстіе о переводѣ Владыки въ паствѣ, уже 8-го Апрѣля, на храмовомъ праздникѣ въ Семинаріи прозвучали горестныя слова о надвигающейся разлукѣ съ дорогимъ Архипастыремъ. Владыка почтилъ свое дѣтище личнымъ посѣщеніемъ, священнослуженіемъ и участіемъ въ приготовленной трапезѣ за столомъ въ одно съ своими питомцами-семинаристами. Грѣхъ будетъ имъ позабыть эту высокую для нихъ и для всѣхъ насъ многозначительную ласку, какъ грѣхъ будетъ не принять къ постоянному выполненію завѣты ВПреосвященнѣйшаго Владыки о ежедневномъ и внимательномъ чтеніи Св. Евангелія. Безъ тѣни рисовки, намъ дано было въ эти часы столько духовной, истинно Христовой любви, что позабыть эти часы невозможно.

Съ того времени стали появляться въ миссійныхъ органахъ статьи, съ сильною оцѣнкою, или, правильнѣе, характеристиккою дѣятельности Владыки Архіепископа на пользу Миссії и русскаго народа въ Америкѣ. Писали, какъ замѣчаетъ Редакція газеты «Свѣтъ», и духовные и міряне, разныя организаци и учрежденія, эмигранты изъ Россіи, выходцы изъ подъяремной Австрійской

Руси, мѣстные уроженцы русскіе по крови и чистые американцы, люди интеллигентные, какъ и простецы, одни въ изліяніяхъ своей скорби поднимаясь до художественной красоты, другіе трогая до глубины души читателя безыскусственною простотою изложенія. Редакторы миссійныхъ газетъ и журналовъ, какъ и самъ Владыка Архіепископъ, получали массу писемъ, свидѣтельствующихъ о глубокой скорби, точно волною прошедшей по всей миссійной области по причинѣ рѣшенія взять изъ Америки Первосвятителя Миссіи. Содержаніе всѣхъ этихъ статей, писемъ, отзывовъ прекрасно выражено въ № 20 газ. «Свѣтъ» слѣдующими строками (текстъ по малорусски написанъ):

«Всю Американскую Православную Русь охопила тяжкая туга душевная. Послѣдній мѣсяць мы всѣ только и живемъ и дышемъ тѣмъ чистымъ и святымъ, но разрывающимъ сердце чувствомъ жалю, смутку, глубокаго горя. То — слезный плачь любви, переживающей вѣчную на сей землѣ розлуку съ любимымъ. То — неутѣшная скорбь дѣтей, прощающихся съ батькомъ, за которымъ они чули себе «якъ за каменною стѣною», въ любви и опецѣ котораго жили безмятежнымъ, соладкимъ счастьемъ. То — жгучее горе чадъ церкви, розстающихся съ духовнымъ главою своимъ, съ высшимъ носителемъ связующей ихъ вѣры, укрѣпляющей надѣи, согрѣваю и животворящей любви, — съ руководящимъ свѣтомъ ихъ житія, съ благодатствующимъ молитвенникомъ. То — мучительная боль живого народнаго организма, теряющаго своего идейнаго Вождя, — боль вѣрныхъ сыновъ Руси, которые прощаются съ тѣмъ, кому они вѣрили все свое народное дѣло на чужбинѣ, кто разбудилъ ихъ до національнаго самосознанія, за кѣмъ они готовы были безоглядно всегда ити, видячи въ проводѣ его свою славу, свой благобыть и свѣтлую будущность».

Обозрѣніе, посильное, далеко не полное, по самымъ обстоятельствамъ своего возникновения бѣглое, было сдѣлано такихъ сторонъ въ дѣланіи Его Высокопреосвященства. Въ «Ревнитель Православія» въ № 10 и № 11 помѣщены статьи, изображающія Архіепископа Платона какъ Владыку — работника, неутомимаго, самородка, вполне русскаго человѣка (свящ. І. Чепелевъ), возбуждающаго своею дѣятельностію самыя лучшія ожиданія вѣрующихъ душъ (І. Я. Луцыкъ въ стихотвореніи), какъ энергичнаго, опытнаго и мудраго Вождя народа (Е. А.), какъ благодѣтеля всѣмъ страдальцамъ Зарубежной Руси, протягивавшаго имъ руку помощи и матеріально и духовно (М. П. Баландюкъ, православный галичанинъ), какъ покровителя и устроителя монастырской братіи (іером. Антоній Репелла), какъ создателя Сиротскаго Приюта (свящ. І. Чепелевъ) и какъ основателя Общества Ревнитель Православія (свящ. А. Филипповскій). Въ № 11 того же журнала читаемъ завѣты Его ВПрепосвященства изъ перваго слова его къ своей паствѣ, его взглядъ на миссіонерское служеніе въ Америкѣ и на народное просвѣщеніе, на задачи Об-ва Взаимопомощи, получаемъ сжатую характеристику благодѣтельной дѣятельности Владыки Платона въ отношеніи къ русскимъ эмигрантамъ (свящ. И. Лахно), сравненіе Владыки Архіепископа съ уніатскимъ епископомъ въ Канадѣ Будкою (изъ газ. «Русскій Голосъ» ч. 54), отзывъ о Владыкѣ Народной Исторіи Руси, изданной въ Нью-Йоркѣ въ 1911 году.

Въ газетѣ «Свѣтъ» кромѣ предваряющей статьи «Скорбная вѣсть» Преосвящ. Александра, православные читали статьи — православнаго галичанина о Владыкѣ, Е. А. о немъ, какъ славномъ Вождѣ народномъ, о его дѣятельности на помощь духовной Семинаріи (Прот. Л. Туркевичъ) и по Об-ву Взаимопомощи (предсѣд., свящ. П. Коханникъ), какъ великаго ревностнаго миссіоне-

ра (свящ. В. Кувшиновъ), какъ защитника интересовъ Православной церкви на судѣ (свящ. А. Веніаминовъ) и др. Газета «Русскій Эмигрантъ» помѣстилъ характеристику Владыки, какъ великой души человѣка (свящ. Е. Крыжановскій), какъ устроителя новыхъ приходо́въ и благотворителя неимущимъ (въ статьяхъ И. Желтоноги, А. Пютровскаго, Ф. Зварико, С. Турчика и др.). Въ Амер. Правосл. Вѣстникѣ даны нѣкоторыя изъ этихъ статей, а нѣкоторыя помѣщены оригинальныя, какъ напр., Владыка Платонъ, какъ администраторъ (свящ. А. Кукулевскій). Объ Архипастырскомъ проповѣдничествѣ (мнѣй изъ паствы), и приведены отзывы свѣтскихъ газетъ о дѣятельности Владыки (изъ «Свободы», изъ «Новаго Времени» и «Колокола»).

Но относительно всѣхъ этихъ попытокъ въ возможной полнотѣ освѣтить дорогу для русскихъ въ Америкѣ личность Архіепископа Платона нужно сказать однако словами изъ «Свѣта»:

«То чувство, которымъ мы всѣ жили цѣлый той послѣдній мѣсяць, такъ многогранное, оно такъ глубоко захопало насъ, такъ со всѣхъ сторонъ обняло насъ, що хйба сотая доля его выражена въ томъ, що мы успѣли за той часъ сказать о немъ».

(Окончаніе слѣдуетъ.)

О Ф Ф И Ц И А Л Ы Н Ы Й О Т Д Ѣ Л Ь .

Н А Г Р А Ж Д Е Н І Я .

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день сего мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія за службу по епархіальному вѣдомству слѣд. духовныхъ лицъ по Алеутской епархіи: а) орденомъ св. Владимира 3-й степени — каедральный протоіерей Николаевскаго собора в Нью-Йоркѣ Александръ Хотовицкій; б) орде-

номъ св. Анны 2-й степени — гор. Юнкерса, шт. Нью-Йоркъ, Троицкой церкви протоіерей Венедиктъ Туркевичъ; гор. Сайлема, шт. Массачусетсъ, Николаевской церкви протоіерей Петръ Поповъ; гор. Нью-Йорка, Николаевскаго каедральнаго собора протоіерей Іоаннъ Слюнинъ; в) орденомъ св. Анны 3-й степени — гор. Нью-Йорка, Николаевскаго каедральнаго собора архидіаконъ Всеволодъ.

Святѣйшимъ Синодомъ удостоены награжденія, за заслуги по духовному вѣдомству, ко дню Рожденія Его Императорскаго Величества, по Алеутской епархіи: а) с а н о м ъ а р х и м а н д р и т а — Варваринской церкви въ Канадѣ, игумень Амфилохій; б) к а м и л а в к о ю — завѣдывающей сиротскимъ приютомъ Царицы Небесной священникъ Іоаннъ Чепелевъ; преподаватель Нью-Йоркской духовной семинаріи священникъ Сергій Снѣгиревъ; гор. Бриджпорта, штата Коннектикутъ, Св. Духовской церкви священникъ Александръ Пантелеевъ; Михаило-Архангельскаго собора въ Ситхѣ, Аляска, священникъ Сергій Костромитиновъ; благочинный Аляскинскихъ церквей священникъ Михаилъ Андреади; гор. Миннеаполиса, Миннесота, Покровской церкви священникъ Василій Васильевъ; гор. Анзоніи, шт. Коннектикутъ, Трехъ Святительской церкви, священникъ Александръ Веніаминовъ; гор. Бенлдъ, Иллинойсъ, Успенской церкви, священникъ Алексій Богуславскій; гор. Буффало, штата Нью-Йоркъ, Петропавловской церкви священникъ Іосифъ Данкевичъ; Іоанна Предтечи церкви въ гор. Чарлерой, штата Пеннсилваніи, священникъ Ярославъ Сѣчинскій; Воскресенской церкви на Кадьякѣ, Аляска, священникъ Николай Кашеваровъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

Прощальныя привѣты различныхъ учреждений Амер. Православной Руси, произнесенныя при прощаніи съ Его Высокопреосвященствомъ, Архіепископомъ Платономъ, будутъ даны въ № 12 Амер. Пр. Вѣстникѣ.

Рсдакторъ,

Протоіерей Леонидъ Туркевичъ.